

ANDY CHAMBERS

THE MASQUE OF VYLE

WARHAMMER

40,000

Annotation

Даже среди эльдаров арлекины считаются непредсказуемыми и загадочными созданиями. Труппа этих смертоносных воинов-артистов находит мертвый искусственный мир, разлагающийся в Паутине. Они полны решимости найти виновного в этом и покарать его. Используя древнее искусство своего Провидца Теней, они идут по следам гибели, что приводят их к Траурной Марке, отдаленному владению темных эльдаров. У арлекинов есть несколько подозреваемых в этом чудовищном преступлении, и тогда они решают найти виновника, устроив для архонтов Маску Вайла — представление, которое откроет истину и принесет гибель преступнику.

-
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)

Маска Вайла

«Вероятно, для
эльдарской расы
самоочевидно, что
некоторые из самых её
стертоносных воинов вовсе
не являются воинами.
Кочующий культ или секта
артистов, именуемых
«арлекинами», находится вне
ритуалистических норм
общества эльдаров.
Некоторые их представления

стилизованы, другие
абстрактны, а иные весьма
формальны. Актеры
постоянно перемещаются
между уцелевшими
анклавами эльдаров с
внешней целью
продемонстрировать им свои
сценические интерпретации
общей мифологии расы ---
истории о богах, сотворении,
древних героях --- в которых
зачастую кроется метафора
или моралистический намек.
Выглядит вероятным, что
призвание арлекинов также
включает в себя функции
дипломатов между
различными анклавами с
сопутствующими
элементами шпионажа.
Юлианну из Вергона
полагает, что деятельность
арлекинов даже имеет
некоторое отношение к
судебным делам.

Судя по всему, актеры в труппе арлекинов принимают определенные роли как на сцене, так и за ее пределами, и их личные отношения всегда подвержены влиянию со стороны тех персонажей, которых они изображают. Среди этих отдельных ролей наиболее узнаваемыми являются Высший Аватар и Шум Смерти, соответственно --- лидер и персонификация смерти. Мастер-тим --- более сложная фигура, которая, видимо, включает в себя концепцию невидимости или игры теней. Его роль пересекается с ролью Провидца Теней, который сам по себе известен как телепатический кукловод, но также наделен функциями, имеющими аспект материнской заботы. Таким образом, он оттеняет строгость царственного Высшего Аватара.

Самый любопытный их представитель --- так называемый Солитер. Узгой, которого обычно избегает вся остальная труппа, Солитер нечасто появляется в представлениях. Только он может исполнить роль сущности, что вызвала легендарное крушение эльдарской цивилизации, бога Хаоса Слаанеша, создания, которое эльдары называют «Та, что Жаждет».

Отрывок из «Де
Либратии
Ксеностиус
Максима», том
XXII, приложение
95.0349.378 ---
«Дополнительные
апокрифы»

Глава первая

Мертвецы в пустоте

Они собрались по безмолвному зову. Они шли, легко проходя сквозь пряжу реальности, к темному месту, к спутанному клубку негативности и разложения в многомерном кружеве Паутины. Они скользили по ее нитям, словно пауки, почуввавшие гудение диссонанса, что расходится по их дому. Их целью был корабль глиной во много километров, который падал сквозь пустоту, будто утирающая туша громадного левиафана.

Первым прибыл Ашантүрүс, как и подобало предводителю труппы, Высшему Аватару и Королю-Солнцу. Немногие из живущих могли сравниться с ним в знании Паутины. Несмотря на ее плачевное состояние в сравнении с временами древности, Ашантүрүс столь хорошо понимал бесконечное множество маршрутов, перекрестков и сквозных

путей Паутины, что мог обратиться до
своей цели быстро и легко.

Ашантүрүс переместился в это
темное место через портал и немедленно
подвергся атаке. Отовсюду из теней
вокруг, пошатываясь, выбрались сломанные
автоматы и бросились, чтобы стянуть и
выдавить из него жизнь. Он сразу же понял,
что эти существа на глиняных
конечностях когда-то были благородными
мертвецами этого мира, что их
вместилища взломаны, а души
необратимо осквернены Той, что Жаждет.
Эта перемена уже ответила их некогда
гладкие панцири шипами и чешуей, словно
неживая психокость, из которой состояли
их тела, жаждала возродиться в облике
исчадия Хаоса. Все они были заражены
безумием.

Ашантүрүс танцевал гибельную
павану с искаженными мертвецами,
отскакивая и уворачиваясь от их
хлещущих лезвий и сокрушающих
конечностей. Он не поднимал на них
оружия и, с неизменной ухмылкой маски на
лице, постепенно обращал их ужасающую

мощь против них самих. Небрежными шагами он миновал клинок за клинком, сцепив руки за спиной, и с легкостью избегал сжимающихся когтей, заходя за спины своим шатающимся врагам. Одна за другой совращенные оболочки начали разбивать друг друга на части в неуклюжих попытках уничтожить врага.

Через несколько мгновений прибыл Ло'мос и застал Ашантүрүса в разгар его упражнений. Будучи Мастером-тилом и фокусником труппы, Ло'мос знал свое место и без промедления начал собственное представление, основываясь на игре Ашантүрүса. Начал он с того, что стал по-обезьяньи подражать движениям Короля-Солнце, шагая след в след с лидером труппы. Следуя за ним клоунской тенью, Ло'мос едва избегал стремительных конечностей-клинков, от которых Ашантүрүс уходил без всяких усилий. Ло'мос с притворным ужасом прыгал от одной мертвой машины к другой, прежде чем метнуться обратно и снова идти по стопам Ашантүрүса. Вскоре он порхал вокруг своего предводителя и

короля, словно в беспомощной тольбе, пока тот не заставил последний из автоматов напороться на обломки его сорогичей.

Ло'мос выпрямился и замысловато поклонился Ашантүрүсү, который ответил тем же жестом, хотя его поклон и не был столь глубок. Двое на миг замерли в этой позе, чтобы обозначить конец представления. Ашантүрүс выглядел блистательно, облаченный в великолепный алый костюм и отделанную золотом маску. Он резко контрастировал с Ло'мосом, лицо которого постоянно изменялось, а сущощавое тело казалось скрытым в тени.

— Это было неподобающе, Ло'мос, — укорил его Ашантүрүс глубоким, медоточивым голосом. — То, что здесь произошло, вызывает скорее к трагедии, нежели к комедии.

Маска Ло'моса мгновенно завихрилась и стала карикатурой на плачущее эльдарское лицо, чаще всего символизирующее лунную богиню Ушү. Фокусник вновь низко поклонился Ашантүрүсү и стал сатим воплощением

раскаяния.

--- Трагедия, случившаяся здесь, сотворена не Ло'мосом, --- сказал другой голос, на сей раз столь же прохладный и текучий, как звездный свет, танцующий на глубоких водах. --- Ты должен даровать ему прощение, мой король шутов.

Ашантүрүс повернул үхтыляющуюся маску к новоприбывшей и безразлично пошевелил рукой в сторону Ло'моса.

--- Сей же миг я прощаю его, моя таинственная королева, ибо рад я, что ты вовремя явилась в это место, погруженное во тьму.

Цилия, Королева-Луна и Провидец Теней их трупны, вышла из портала, по-прежнему скрытая плащом и капюшоном. Ее маска представляла собой зеркальный ободок, скрывающий лицо, а за спиной, словно ветвистые рога, расходились трубки крейданна, устройства для метания снарядов.

--- Я чувствую, что здесь было сотворено великое зло, и сотворено слишком быстро, чтобы эти воины-призраки успели вмешаться и защитить

своей дом, — печально проговорила Цилия. —
Боюсь, что именно эта неудача привела
их к безумию.

Когда она, ступая с бесконечной
грацией, легко прошла вперед, стало видно,
что за ней следовала угрожающая тень,
закованная в броню фигура, все снаряжение
которой было изукрашено костями и
символами смерти. Этот арлекин носил
маску в виде ухмыляющегося черепа и был
известен как Храдхири Ра, маргроах
труппы, иначе называемый Шум Смерти.
В руках он держал тонкую, покрытую
желобками пшuku, столь же глинную, сколь
высок был его рост. Храдхири Ра
огляделся, озирая разбросанные повсюду
останки призрачных стражей, и
выразительно перевел взгляд на
Ашантүрүса.

— Достаточно тяжело быть
призванным куда-то без объяснений, —
прошептал Храдхири Ра голосом, от
которого по позвоночнику слушателя
словно пробежали ледяные пальцы. — И все
ж неприятнее прибыть и обнаружить, что
дело уже сделано.

--- Причина, по которой наш странствующий груг призвал нас, больше, чем одно лишь это искажение, --- возразила Цилия. --- Я чувствую, что эти несчастные разбитые сосуды --- лишь начало той скорби, что мы еще откроем в этом месте. Послушайте --- чего вы здесь не слышите?

Все четверо подняли головы, прислушиваясь, и через миг снова смотрели груг на груга.

--- Бесконечный цикл абсолютно безмолвен, --- сказал Ашантүрүс.

--- Духи мертвых снова немы, --- согласился Храгхири Ра своим загробным шепотом. Лотос ссутулил плечи и скрестил руки на груди, но сохранил молчание.

--- Этот искусственный мир омертвел и истлевает без защиты духов предков, --- сказала Цилия. --- Самое меньшее, что мы можем сделать --- обезопасить его врата, прежде чем его яд просочится наружу, в Паутину.

--- Тогда возьмется же за дело, --- решительно заключил Ашантүрүс и

хлопнул в ладоши. Но одному и по двое из теней легким шагом выходили другие члены труппы, которые беззвучно явились к своему господину и госпоже, пока те разговаривали. Но большей части это были крадущиеся титмы или проворные актеры, но среди них выднелось и немного мглаших Шутов Смерти и Провидцев Теней. В целом их было не более двух дюжин, но для эльдаров-арлекинов это был необычно мощный Маскарад.

Ашантүрүс разослал их во все стороны, чтобы запереть паутинные порталы искусственного мира и разыскать выживших, хотя он почти не надеялся, что удастся найти кого-то целым и в здравом уме.

Члены труппы уже тысячу раз повидали подобные, но все же несколько отличающиеся от этого корабля места. Изгибающиеся стены коридоров и овальные гверные проемы, гладкие спиральные пандусы и открытые купола, в которых росли леса, -- все это было хорошо знакомо тому, кто хоть раз бывал на борту эльдарского искусственного мира. Но на

этот мир золотые огни в куполах угасли, гладкие стены были разрушены, а двери расколоты в щепы. Некая сила явилась на этот искусственный мир и атаковала его с немыслимой яростью.

С течением тысячелетий и без того конечное число искусственных миров неуклонно и трагически снижалось: с них взимали дань как внутренняя вражда, так и внешние враги, а порой они просто исчезали. Любой из потерянных миров кораблей всегда оплакивался, его гибель расследовалась, и, если того требовали обстоятельства, за нее мстили.

Искусственные миры странствовали по великому колесу галактики с самого Начения. Каждый из них хранил в себе сообщество эльдаров, которым хватило дальновидности, чтобы избежать неописуемой катастрофы, поглотившей подавляющее большинство их расы. Гигантские корабли были странами, крепостями, жилищами, парками и сохраняющими жизнь ковчегами, и каждый из них был живым существом в той же мере, что и творением техники и

инженерной мысли. Значительная часть структуры, лежащей в основании искусственного мира, выращивалась и обретала форму благодаря удивительным психоформирующим умениям его обитателей.

Безмолвный зов, который собрал группу в этом месте, танил их все дальше в глубины искусственного мира. Свет и тепло постепенно исчезали по мере продвижения в центр его медленно падающего остова. Потом и гравитация стала все больше ослабевать. Теперь, вместо того, чтоб шагать, члены группы вынуждены были отталкиваться от перекладин и опор, прыгая среди парящих в воздухе обломков. Они легко перескакивали через пространства, где верх и низ утратили все значение, потолки стали полами, а коридоры — вертикальными шахтами. В этих запутанных пространствах группа и встретила первые настоящие ловушки, оставленные теми, кто атаковал искусственный мир.

Лотос взялся за свою естественную роль и встретился вперед, выискивая

потенциальные сцены выступлений. Когда он проник за изгиб одного коридора, его внимание привлекла крошечная беззвучная вспышка впереди. Невинно выглядящий комок обломков и мусора покатился в сторону фокусника, раскрываясь подобно цветку по мере того, как он набирал скорость. Лотос мгновенно распознал угрозу. Он отреагировал быстрее мысли, метнувшись в сторону и забившись в узкую трубу лишь едва шире его плеч. Комок мелькнул мимо его укрытия смертоносным размытым пятном, и спрятанная внутри него невидимая масса моноволоконных нитей рассекала все, к чему прикасалась, отделяя молекулы от молекул.

В дюжине шагов позади Ашантүрүс, Храдхири Ра и Цилия увидели, как фокусник отпрыгнул в сторону, лишь за несколько секунд до того, как мимо пролетел крутящийся ураган обломков. Когда тот долетел до них, он уже удвоился в размере, так как режущие мономолекулярные нити постоянно добавляли ему массы, вырывая куски из

стен, пола и потолка. Цилия инстинктивно защитилась, вскинув руки и призвав сферу из психической силы, оградившую всех троих. Энергия рассеяла летящую массу так же легко, как нос корабля рассекает волны. Моноволоконную паутину разбросало по сторонам, где она усеяла стены коридора острыми как бритва петлями и остановилась, растратив всю инерцию до конца.

Трагическая маска фокусника осторожно выглянула из трубы, как только он удостоверился, что опасность миновала. В ответ на него установилось лицо-череп Храгхири Ра. Ашантүрүс был занят тем, что сообщал о новом открытии другим членам труппы и предупреждал, чтобы они вели себя еще более осторожно.

--- Мы думали, что потеряли тебя, --- прошептал Шүм Смерти. --- Выбирайся из этой дыры, пока наши критики не стали еще более язвительными.

--- Как это сделали, Храгхири? --- спросила Цилия, и легкая модуляция в ее голосе заставила Шүта Смерти

прерваться, повернуться и с удивлением
взглянуть на зеркальный овал ее маски. Он
мог поклясться, что голос Провидицы
Теней звучал так, будто она нервничала.

--- Было бы достаточно простого
сенсора, реагирующего на движение, и
взрывчатого заряда, --- прошептал Шут
Смерти. --- Любой мон-ки мог бы прийти к
такой мысли, но моноволоконная паутина
--- эльдарское оружие.

Цулия кивнула, ее капюшон
опустился, покрывая тенью гладкие изгибы
лица. Ашантурус перевел взгляд на них
обоих. Ухмыляющаяся, отделанная
золотом маска предводителя трюпны в
темноте казалась злобещей и погруженной
в раздумья.

--- Само по себе моноволоконно еще
ничего не значит: у нас самих его
достаточно, чтобы соткать из него
звездолет, --- резко сказал руководитель
трюпны.

--- Именно так, --- прошептал
Храдхири Ра. --- Но кто еще им владеет?
Барн-науки? Отступники? Кабалиты?
Список краток, и в нем --- наша первая

улика, указывающая на то, кто ответственен за эту трагедию.

Ло'мос, в свою очередь, только пожал плечами и размыл лик своей маски, проявив на нем крутящуюся массу обломков, которая неслась на него. И так, вооруженный образом своего врага вместилища, фокусник начал еще более осторожно красться вперед, опираясь на ладони и пальцы ног, словно паук с четырьмя лапками.

Следующая ловушка отличалась от предыдущей: это был улей из микроскопических машин, запрограммированных, чтобы срезать плоть и обогреть кости любого живого существа, которое они почували бы поблизости. Ло'мос издалека засек почти беззвучное гудение машинного гнезда и выследил его, прикрывшись вуалью психической тени. Когда круглый улей был обнаружен, визжащая пушка Храдхири положила конец и ему, и его обитателям, пока те не успели причинить какой-либо вред.

Ашантүрүс получал все новые доклады

от других трюпн, движущихся по искусственному миру. Они нашли и обезвредили другие ловушки. Их распределение казалось случайным, а устройство варьировалось, но все они отличались особенно жестоким коварством, которое предводителям трюпны нашел весьма и весьма знакомым. Этот искусственный мир был мал, лишь чуть больше города, в то время как величайшие из миров-кораблей имели размеры континентов. И все же он обладал слишком большой площадью, чтобы можно было осмотреть ее всю, имея лишь горстку арлекинов. К тому же на чашу весов возлагался риск потерь, что делало задачу невыполнимой. С сожалением Ашантүрүс приказал трюпнам прекратить бесплодные поиски выживших и сконцентрироваться на том, чтобы закрыть паутинные порталы искусственного мира.

--- Значит, он действительно потерян? --- спросила Цулия.

--- Я не могу рисковать нашими жизнями, разыскивая выживших, которых,

возможно, не существует, — с тяжестью в
голосе сказал Ашантүрүс.

— Они есть, я чувствую это, —
сдержанно ответила Цилия. — Но я боюсь,
что нам уже не пог силу их спасти.

Добравшись до самых глубоких залов
искусственного мира, они наконец
встретили его уцелевших обитателей.
Лишенные защиты, которую давали
психические печати, встроенные в их
родной мир-корабль, они были искажены
пагубным влиянием Той, что Жаждет, и
превратились в гибких змеенодобных
существ. В них едва можно было узнать
эльдаров: это были стенающие,
непропорциональные создания, которые
стремительно деградировали до уровня
примитивных мутантов. Чужовища
отвлеклись от охоты друг на друга и с
радостью встретились к новым
товарищам по играм, вытянув когти и
выбалив языки.

Ло'тос немедленно заметался перед
ними, отвлекая, превратившись в
мелькающую тень, которая раздулась в
устрашающую грозовую тучу, а потом

исчезла, испарилась в ничто на глазах у врагов. Пускатель-крейданн Цилюи выплюнул веер ярких искр, которые с воелм промчались сквозь воздух и приземлились в гуще проклятых созданий, испуская облака цветного дыма. Галлюциногенный газ, содержащийся в дыме, и психическое племение Провидицы Теней обратили толпу мутантов в ничего не понимающую массу дергающихся конечностей. Шатаясь, стаясь, заплетаясь и плача, бывшие эльдары терзали когтями друг друга и самих себя.

Храдхири Ра с мрачной целеустремленностью выступил вперед, навел визжащую пушку и посмотрел на Ашантүрүс, ожидая приказа начать жатву. Руководитель трүнны долгие секунды взглядывался в орду врагов, которая катилась на него, но-прежнему боя и отмахиваясь от незримых мучителей. Толпа мутантов слепо неслась вперед, становясь все ближе, и все же Ашантүрүс как будто не было до них дела -- был ли он зачарован или полон ужаса перед ними, взгляд ухмыляющейся маски казался

полным безразличия.

— Ты собираешься ждать, пока не сможешь пожать им руки? — с досадой прохрипел Храдхири Ра. Ближайшие враги уже почти задевали конец его пушки. Наконец, Ашантүрүс едва заметно кивнул Шүтү Смерти, и его оружие затянүлось песнью смерти.

Как и пускатель, эта пушка была оружием, характерным лишь для эльдаров-арлекинов. В то время как более распространенные виды эльдарского вооружения мечут вращающиеся диски с мономолекулярным краем, что рассекают жертв на части, визжащая пушка заряжена модифицированными дисками, несущими в себе дозу ядовитой кислоты. Кислота эта исключительно активна, и, смешавшись с телесными жидкостями, которые наличествуют в большинстве живых существ, создает взрывную реакцию впечатляющей мощи. Поэтому визжащая пушка называется так не только из-за звука при стрельбе, но и из-за воплей, которые издают ее жертвы в краткий миг перед тем, как взорваться кровавым

облаком.

Храдхири Ра наступал на мутантов, элегантно поводя стволом пушки влево и вправо. Выстрелы выбивали уверенный ритм, и красный туман заполнил воздух, когда несчастные выжившие стали один за другим разлетаться на куски. Длинный плащ и украшенные костями доспехи Шута Смерти вскоре стали скользкими от крови, но он продолжал свой безжалостный натиск. Мутанты уже были дезориентированы галлюциногеном Цилии, запутаны фокусамы Ло'моса, но даже сквозь пелену безумия они видели рядом с собой окровавленного сеятеля смерти, и это для них оказалось уже слишком. Выжившие дрогнули и попытались сбежать, карабкаясь по стенам и уползая к дверям под низкой гравитацией.

Но им не суждено было спастись. Храдхири Ра повернул пушку к тем, что были ближе всего к выходам, и перед распадающейся массой змееноподобных существ взметнулись новые алые фонтаны. Мутанты толпились, шатались

и металисьтуда-сюда, бессвязно бормоча
от ужаса. Шум Смерти продолжал
наступать. Снаряд за снарядом врезались в
стаю, поднимая какофонию предсмертных
воплей. Но Храдхири Ра подошел слишком
близко. То ли случайно, то ли
вдохновившись отчаянием, немногие
оставшиеся мутанты повернулись и
набросились на Шума Смерти, пытаясь
повергнуть своего злейшего врага.

Храдхири Ра внезапно обнаружил
себя под атакой со всех сторон и уже не
мог воспользоваться своей пушкой с
наилучшим эффектом. Ашантүрүс, Цилия
и Ло'мос в тот же миг кинулись на
помощь, но было уже слишком поздно. Шум
Смерти полностью скрылся под массой
извивающихся кольчатых тел. Мелькали
когти, щелкали клыки, и в миг ужасной
кульминации брызнул яркий багряный
поток. Ашантүрүс пробормотал проклятье
и уже собрался ворваться в толпу, как
вдруг чудовищ разметал еще один
кровавый взрыв в самой ее середине. Куски
костей и внутренностей осыпали тесно
сплетшиеся тела подобно шрапнели.

разрывая их на части.

--- Храдхири! --- не в силах поверить, крикнула Цилия в распухающее облако кровавого тумана. В нем ничто не шевелилось.

Ло'мос отвел взгляд и начал медленно аплодировать. Глухие хлопки его затянутых в перчатки рук на секунду оказались единственным звуком в тишине. Ашантүрүс и Цилия уставились на Мастера-тима, недоверчиво склонив свои маски --- они были удивлены его реакцией на гибель товарища. Ло'мос сделал извиняющийся жест.

--- Я ожидал от вас лучшей реакции, --- прошептал Храдхири Ра за их спинами. --- Неужто вы собираетесь и впредь ужасаться всякий раз, когда я побеждаю смерть?

Они оглянулись и увидели Шута Смерти, появившегося из теней. Он небрежно обошел изумленных Высшего Аватара и Провидицу Теней, направляясь к груде змееподобных трупов, оставшихся от последних тумантов. Он вытащил пшкү из кровавого кратера в центре кучи и

отряхнул ее от ошметков.

--- Как ты спасся от них? --- спросил Ашантүрүс.

Храгхири Ра равнодушно опер свое оружие прикладом на бедро.

--- Маргроахү ведомы секреты неожиданного спасения, но зритель должен разгадать их сам, --- сухо прошептал он.

--- Столь много и все же так мало, --- проговорила Цилия, глядя на убитых. --- Даже такой небольшой искусственный мир, как этот, все же был бы дотом для многих тысяч душ, но я чувствую, что теперь, когда они погибли, здесь больше никого не осталось.

--- Покинули они сей бранный мир, --- сардонически добавил Храгхири Ра, чем заработал резкий взгляд от Ашантүрүса, а Лотос в ответ издал тихий звук, как будто его подташнивало.

В конце концов предводители трюпны вышли на просторный проспект, который плавными изгибами поднимался к широкой арке. Некогда пространство за аркой оберегали от вторжения внушительные ворота, но теперь их обломки лежали на

ступенях, словно кучи опавших листьев.

Лотос припал к земле, чтобы обследовать их останки, и пошевелил глиняной рукой почерневшие осколки. Он поднял один кусок и раскрошил его меж губами пальцами. Его нарек был ясен: какая бы сила не ударила по вратам, она имела энтропическую природу и атаковала связи между частицами, сделав материальную основу структуры не более прочной, чем гнилая древесина.

Ворота были уничтожены высокими технологиями, и это служило еще одним доказательством -- если таковое еще требовалось -- что в эту глубочайшую святая святых могли прорваться только эльфы или их злейшие враги из эпохи легенд.

За аркой находился купол из кристалльных проводцев. Обычно психически проводимая призрачная кость бесконечного цикла позволяла душам мертвых жителей искусственного мира бродить по всему своему бывшему дому. Призрачные конструкции-воины даже представляли физическое воплощение для

тех, кто хотел перемещаться за его пределы. Однако в большинстве своем души хотели лишь остаться в бесконечном цикле и, как правило, их сильнее всего тянуло к куполу кристалльных провидцев.

Эльдары, посвятившие часть своей долгой жизни пути провидца, приходили в купол, чтобы наконец сбросить с себя маску смертности, постепенно входя в бесконечный цикл. В куполе их атрофирующиеся тела медленно трансформировались в психоактивный кристалл, который за бесчисленные тысячелетия мало-помалу разрастался в фантастические древовидные структуры, напрямую связанные с циклом. Это место должно было находиться в самом бьющемся сердце бесконечного цикла искусственного мира. Это должно было быть место, где мудрость и знания предков поистине пульсируют в воздухе, куда многие поколения собирались все до единого умершие обитатели мира, чтобы стены и сизилы вечно оберегали их от Той, что Жаждет. Но вместо этого наделенные психическим чутьем арлекины

ощущали, что купол мертв и пуст.

Купол был частично заполнен низкими барханами переливчатого песка, в воздухе витали сверкающие нити -- свет отражался от дрейфующих кристаллических пылинок. Безмолвный зов притянул арлекинов к этому месту, но, судя по всему, они прибыли слишком поздно, чтобы спасти его.

-- Уничтожен, полностью разорен, -- сказал Ашантүрүс голосом, грожащим от холодной ярости. -- Взгляните, все камни души похищены... или разбиты.

Они посмотрели и увидели, что сказанное Высшим Аватаром было правдой. Изогнутые стены купола демонстрировали тысячи пустых щербин там, где раньше были камни духа, в плененные в бесконечный цикл. Каждый житель искусственного мира носил подобный талисман, который спасал его в случае гибели. Камень становился безопасным пристанищем для его души, пока его не относили сюда, чтобы внедрить в вечный цикл. И так на протяжении тысячелетий внутренняя

часть купола покрывалась растущим
созвездием искрящихся камней духа.

--- Должно быть, сюда вторглись
прислужники Великого Врага, ---
неуверенно прошептал Храгхири Ра, --- но
я не понимаю, как стражники могли это
допустить. Они бы воззвали к Каэла
Менша Кхейну и отбросили захватчиков,
или послали бы за помощью к другим
искусственным мирам, или, может, даже
бросили бы свой мир и сбежали. Я не вижу
признаков того, что они попытались
сделать хотя бы что-то из этого.

Ло'мос опустился наземь и сжался в
плотный комок, обхватив руками колени.
Его вращающаяся фрактальная маска
установилась на разбитые останки целого
народа. Народа этого искусственного мира,
который пережил Нагение и все, что
последовало за ним, только чтобы его
история окончилась здесь. И хотя в свое
время он был свидетелем даже больших
злодеяний, чем это, мастер-мим все же
невольно содрогнулся.

--- Цилия, --- отрывисто позвал
Ашантүрүс. --- Ты можешь открыть, что

произошло в этих стенах. Твое колдовское зрение покажет события прошлого. Взгляни же, взгляни и узнай, кто повинен в этом осквернении.

Цилия помедлила.

— Подобное деяние небезопасно, мой Король-Солнце. Если здесь побывал высший дэмон, он почует меня в том же миг, как я увижу его. И тогда, быть может, меня не спасет даже защита Смерющего Бога. Ни пространство, ни время не смогут остановить эту сущность, если она почувтит вкус моей души...

Голос провидицы теней, словно извиняясь, постепенно сошел на нет под взглядом Ашантүрүса. Она не хотела окончательно отказывать Высшему Аватару, но знала, что ощущаемая ею опасность действительно реальна. Акты насилия и мерзости всегда оставляли свой след на местах в материальной вселенной и подводили их все ближе к истинному Хаосу.

Обитатели Хаоса, могущественные создания, которые существовали в его бесконечной среде, могли проявляться за пределами своей

реальности, и для этого им порой нужна была не более чем зацепка: слово, символ, а иногда всего лишь мысль.

Ло'мос бросил взгляд в сторону, и его маска резко изменилась. Из летящих обломков она превратилась в стилизованное улыбающееся лицо, чаще всего ассоциируемое с Цегорахом, Смеющимся Богом. Мастер-тим коротко кивнул в знак приветствия.

--- Я могу избавить тебя от этого ненужного риска, --- сказал новый голос. --- Ты ничего бы не нашла.

Храдхири Ра резко развернулся и поднял пистолет, в мгновение ока нацелив его на новоприбывшего. Узкая фигура, попавшая под прицел Шута Смерти, подняла руки, изображая сдачу.

--- Чтобы скрыть сцену преступления, использовались психические крикуны, --- жизнерадостно объяснил новый гость. --- Кто бы это ни совершил, он тщательно постарался не оставить никаких легкодоступных свидетельств своих деяний.

--- Пестрый, --- фыркнул Храдхири Ра

и снова поднял пущку дулом вверх.

Гость был строен, невысок и одет в архаичный костюм, который на первый взгляд казался серым. Более пристальное изучение говорило, что его ткань составлена из крошечных перемежающихся ромбов черного и белого цвета, бесконечно повторяющих друг друга. В отличие от арлекинов в масках, закрывающих все лицо, новоприбывший носил готино — полумаску, прикрывающую только верхнюю половину лица. На нижней, открытой половине виднелись полные красные губы и чрезмерно подвижный рот, который в настоящий момент сиял дружелюбной улыбкой.

— Это действительно я, все тот же старый Пестрый, о мой костлявый друг. Я очень рад всех вас встретить. Я думал, вы сюда никогда не доберетесь, хотя, разумеется, всячески надеялся на противоположное.

— Избавь меня от своих заверений в дружбе и доброжелательности, порождение Хаоса, — холодно произнес Ашантүрүс. — Ответь, чем ты оправдываешь свое

присутствие здесь, и по какому праву ты
призываешь Маскараг присоединиться к
твоим вечным скитаниям?

Нестрый низко поклонился, выглядя
глубоко ступленным.

— Прости своего заблудшего слугу,
той благородный король, я желал лишь
озарить этот темный мир теплым гаром
стеха. Я призывал Маскараг по праву
самопожертвования, как тот, кто заветам
погибели нашего народа и стоит на лезвии
бритвы между апофеозом и
уничтожением. Желает ли взглянуть на
тою верительную грамоту?

Нестрый поднял одну руку к маске-
гомино, словно намереваясь снять ее, но
Ашантүрүс покачал головой.

— Не надо, шут, я вижу, что Цегорах
прикоснулся к тебе. Зачем еще ты бы
остелился на такое, кроме как по
наущению Стелющегося Бога — если только
теперь ты не служишь иной сущности, и
именно она движет твоими желаниями?

Нестрый покачал головой и опустил
руку.

— Если бы это произошло, то вам бы

это сразу стало очевидно. Начать хотя бы с того, что и вашим собственным душам рядом со мной было бы небезопасно. Ну что, все согласны, что я -- тот, кем себя называю, и не большой шут или подменыш, чем обычно?

Ашантүрүс властно вздернул подбородок.

-- Воистину, -- сказал Высший Аватар, -- хотя ты не слуга мне, ни заблудший, ни какой-либо иной, и не должен объявлять себя таковым даже в шутку.

-- Принимаю к сведению, -- Пестрый снова поклонился, почти зарывшись носом в кристаллическую пыль, и остался в таком положении. -- Я ниже, чем червь, и никому не слуга, кроме моего собственного убогого чувства вкуса -- плюс нашего общего божества, покровителя и благодетеля -- и нашего общего заклятого врага, рока нашего народа...

-- Достаточно, Ашантүрүс! -- воскликнула Цилия. -- У Пестрого для нас наверняка есть скверные новости. Вели ему рассказать их и прекратить свою изгрудь!

На этот раз пришел черед

Ашантүрүс выглядет стүщенным: он даже слезка дернулсЯ от этого горячего всплеска эмоций. Но все же он быстро пришел в себя и царственным жестом повелел Пестрому встать.

--- Говори же, плүт, расскажи нам о том, что здесЬ случилось, --- несколько угрюмо произнес Ашантүрүс.

--- Умираю от предвкүшения, --- с иронией прошентал Храгхири Ра. Пестрый сверкнул в его сторону быстрой улыбкой, одобряя шүткү.

--- Как вы, несомненно, и предполагали, жители искусственного мира подверглись атаке и были быстро разбиты. В своих странствиях я побывал на многих, многих искусственных мирах, но этот был для меня нов. Я обнаружил его примерно в том же состоянии, в каком вы видите его сейчас.

--- Мы не подозревали тебя в этих разрушениях, если вдруг ты сомневался, --- сухо прошентал Храгхири Ра.

--- Что хорошо, но вы были правы, если решили, что это произошло недавно. Не так үж много времени прошло с тех пор,

как это место было разорено. Судя по количеству камней духа, которые здесь находились, -- Пестрый повел вокруг рукой, схватив весь купол, покрытый пустыми ячейками, -- я думаю, что этот мир довольно долго был затерян в варне, и большая часть его обитателей уже ушла в бесконечный цикл, когда он вышел оттуда.

-- Тогда кто напал на него, и зачем? -- потребовал ответа Ашантурус, вернувший часть прежнего величия. -- Они не могли представлять никакой угрозы.

-- О да, в этом-то и есть загвоздка. Судя по тому, что я увидел, они заперли все порталы в Паутину. Они, должно быть, даже не знали, что есть и другие выжившие в Нагении, и опасались вторжения демонов или чего-то подобного -- надо сказать, не без причины. Как бы то ни было, они сами себя затуровали, и никто не знал об их существовании. Я даже не смог найти никаких указаний на название этого искусственного мира.

-- Как же ты тогда его нашел, Пестрый? -- мягко спросила Цилия.

-- Ну как же, следуя за собственным

носом, ваше величество, как я всегда
делаю, --- ответил Пестрый,
демонстративно постучав по упомянутой
части тела пальцем. --- Я буквально
наткнулся на него и вскоре осознал... что
ж, я понял то, что теперь вам все
очевидно. Простите, что не встретил вас
у портала, но я почувствовал, что вам
надо пройти дальше вглубь, чтобы самим
все увидеть перед тем, как принимать
решения.

--- Не отвлекайся, шут, твоя ненужная
болтовня начинает оскорблять мой слух, ---
трачно проговорил Ашантүрүс. --- Кто
совершил нападение? Какова была их цель?

--- Я приближаюсь к этому так
быстро, как могу, ваше величество, это не
так-то просто объяснить и, на самом деле,
я не умею на руках все факты. Однако, из
тех, что у меня есть, я могу заключить,
что...

Ашантүрүс прижал ладони к своей
маске, демонстрируя досаду, а затем
ткнул пальцем в сторону Пестрого и
воскликнул громовым голосом:

--- Кто. Это. Сделал? Отвечай!

Нестрый застыл и замолчал, повесив голову от стыда.

— Этого я не знаю, — нехотя признался он.

Храгхири Ра издал угрюмый стешок. Ашантүрүс вскинул руки и величаво угалился, с каждым шагом поднимая радужные облака пыли. Через тиз вперед вышла Цилия, из-под капюшона которой виднелся узкий край зеркальной маски, похожий на восходящую луну.

— Что ты можешь поведать нам, Нестрый? — кротко спросила она. — Ашантүрүс не приказал тебе остановиться.

Нестрый улыбнулся и продолжил, как будто его не прерывали.

— Из тех немногих фактов, которые я выяснил, я могу заключить, что выжившие обитатели мира, по причинам, которые мы никогда не узнаем, на самом деле открыли несколько порталов в Паутину. Они, должно быть, отчаялись, раз сделали это, проведя столь много тысячелетий одни, во тьме, или же, может быть, у них были другие,

неизвестные нам причины.

Ашантүрүс стоял поодаль остальных, но его осанка и то, как он держал голову, говорили о том, что он слушает, хотя и невольно. Пестрый продолжал болтать, слова истекали из него сплошным журчащим потоком.

--- У вот они распечатали порталы, и внутрь не ворвались стаи демонов, и тогда они, наверное, подумали, что жизнь для них продолжается, несмотря ни на что. В тот момент они должны были быть счастливы, и еще счастливее они стали, когда обнаружили, что их собственная раса, раса эльдаров, пережила Нагение. Понимаете, их кто-то нашел, и довольно таки вскоре после того, как они открыли свой искусственный мир. Как бы быстро я не добрался сюда, этот кто-то был на порядок быстрее. Они, скорее всего, наблюдали за порталом, не открывавшимся уже тысячи лет, и ждали, когда тот откроется, так что прибыли сюда... первыми. Мне же не надо говорить вам, кто это, по моему мнению, был, нет?

--- Да! --- с досадой выкрикнули Цилия и

Храгхири Ра одновременно. Пестрый
глубоко вздохнул, видно, не желая никого
обвинять и все же не в силах отрицать то,
что увидел собственными глазами.

— Я думаю, у них побывали гости из
Котморры, — через миг сказал он. —
Первым их нашел кто-то из вечног
города.

— Очевидно, именно на эту мысль нас
и подталкивают, — пренебрежительно
бросил через плечо Ашантүрүс. — Об этом
говорят оставленные или типичные
ловушки.

— Я тоже так сначала думал, —
пожал плечами Пестрый. — Слишком
очевидно, но потом я снова призадумался и
спросил себя, зачем отступникам или
жителям искусственных миров тратить
время на подобный поступок? Оглянитесь...
из этого теста выгнали все катни духа и
призрачную кость. Искусственные миры
никогда бы их не забрали, для них даже
помыслы о чем-то подобном — чернейшее
из всех возможных преступлений.
Большинство отступников не настолько
ценят их и не опускаются так низко, чтоб

их похищать. Нет, только в Колморре за
такие вещи, как плененные души и
краденая психокость, дают столь высокую
плату кровью, что кабалы готовы
совершить практически любое злодеяние,
чтобы заполучить их.

--- Ничто из этого не меняет того,
что сказал Ашантүрүс, --- вздохнула Цилия.

--- Какой-то совет провидцев мог бы
привести к выводу, что организация этого
надругательства заставит искусственные
типы объединиться и атаковать
Колморру. Один-единственный отступник,
затаивший злобу, мог бы совершить все
это, как чудовищную месть за какую-то
позабывшую обиду...

--- Да, всему этому я отвечаю --- да! ---
с восторгом пропел Нестрый. --- Я бы с куда
большей охотой увидел в этом какой-то
зловещий заговор, чем деяния
колморритского кабала, который делает
то, что для него естественно. Это просто
слишком тоскливо и печально. Я просто
ответил на ваш вопрос так, как я сам
думаю. Может быть, с вашей помощью
удастся доказать, что я не прав, хм?

Над сценой повисло молчание. Ло'мос продолжал сидеть на корточках, на его маске теперь играл калейдоскоп различных изображений. Циля и Храдхири Ра стояли перед невысокой фигурой Пестрого, словно костяное изваяние Смерти и хутое привидение, угрожающие ребенку. Ашантүрүс стоял в стороне, в царственной нагменности. И все же, последнее слово в решениях трупны принадлежало Высшему Аватару, и именно он наконец нарушил тишину.

--- Тогда каких действий ты от меня ждешь? --- спросил Ашантүрүс.

--- Как я объяснил, я правда не знаю, кто и почему это сделал, --- улыбнулся Пестрый. --- Но у меня есть кое-какая очень важная информация, которая может, в свое время, разрешить все иные вопросы.

--- И что это за информация, Пестрый? --- прошептал Храдхири Ра. --- И почему ты так долго ждал, прежде чем поделиться ею?

--- Потому что вы упорно продолжали задавать вопросы о том, кто это сделал, --- сказал Пестрый с невероятно

раздражающей ухмылкой. -- Вы напирали на то, чего я не знаю, а только предполагаю. Едва ли меня можно признать виновным в этом, не правда ли?

Храгхири Ра склонил маску-череп в ответ.

-- Теперь я вспомнил, почему мы стараемся не так часто пересекать наши пути, -- прошептал Шум Смерти. -- Прощу, прости мою нетерпеливость и продолжай.

-- Утак, как я уже говорил, я не знаю, кто это был и почему это сделал, но...

Он снова сделал драматическую паузу, и все четверо ведущих актеров уставились на стройную фигуру Пестрого с плохо скрываемым нетерпением.

-- ...Я знаю, куда они ушли. В эти врата, -- сказал Пестрый с лукавой улыбкой. -- Я вошел вон в тот портал, и когда я исследовал остальные, эти врата были единственными, которые активировались в недавнем прошлом.

В наклонной стене перед ними находилась дюжина листообразных варп-врат размером не больше, чем обычные

дверные проемы.

--- Зная, откуда начался путь, будет совсем несложно выследить эту кавалькаду скорби в Паутине, --- прошенгал Храгхири Ра. --- Краденые катни духа, которые они унесли, должны были рыдать всю дорогу.

Они закрыли и заперли все порталы искусственного мира, за исключением того, что показал им Пестрый. Цилия разыскала аварийные контрольные системы и заставила их снова наполниться неровным трепетом жизни на достаточное время, чтобы можно было проложить новый курс для гигантского корабля. Они долго спорили о том, что следует сделать, и кричали, что пожертвовать подобным сущим, даже настолько искаленным, было бы преступной потерей для всей расы.

В конце концов они смогли сойтись на том, что в нынешнем состоянии этот искусственный мир нельзя отыскать. Цилия настроила курс так, чтобы он вернулся в глубины пустоты, и они покинули мир, бросив ему вслед немало

взглядов. Даже лишившись призрачной
ности и катней духа, искусственный мир
по-прежнему обладал неким незримым
присутствием. Как будто от множества
тех, кто прожил всю жизнь в его стенах,
осталось какое-то неопределенное
ощущение жизни и сознания. Более ясно
чувствовалось медленное, постепенное
угасание того, что некогда было
огромным и великолепным. Огромный
корабль был титаническим трюмом,
который хранил лишь намек на то,
насколько велик был он, будучи целым и
живым.

Они повернулись спиной к темному
тиру, погружающемуся в многоцветные
глубины пустоты, и снова пустились в
путь по Паутине. Единственная нить
вероятности вела их сквозь время и
пространство в царство, лежащее за
пределами как варпа, так и материальной
вселенной, в дождевую каплю реальности,
угрожающую на многомерных переплетениях
Паутины, пузырек материи, похожий и все
же не похожий на множество себе
подобных, сотворенных из вечно бурлящей

мены варп-пространства.

Глава вторая

Траурная Марка

Выйдя из портала, архонт Кассаус с нескрываемым презрением уставился на бурные, истерзанные штормами небеса Траурной Марки. Далеко в море он мог различить гравилеты с глиняными корпусами, которые что-то сбрасывали в темноту металлически-серые воды. Странно, он-то считал, что весь смысл этого места в том, чтобы доставать вещи из воды, а не класть их обратно.

Кассаус мысленно пожал плечами. В свое время он посетил сотню различных субцарств. Ни одно из них и близко нельзя было сравнить с мрачным великолепием Котморры, вечного города со сверкающими шпилями и бесконечно выходящими улицами. Следовало отдать должное некоторым субцарствам, обладали некой первобытной энергией и примитивной дикостью, которая обостряла аппетит и усиливала низменные инстинкты, доводя

их до приятной высоты. Но он уже знал, что Траурной Марке не суждено было стать одним из этих мест.

Траурная Марка обладала дикостью, ее там было предостаточно, но было крайне маловероятно, что она способна предоставить хоть что-нибудь иное в плане развлечений. В основном потому, что по каким-то необъяснимым причинам ее создатели решили заполнить большую часть субцарства соленой водой, когда придавали ему форму. Марка по-прежнему была известна как глухая страна, столь первобытная и опасная, что ее практически забросили вскоре после зарождения. Это конкретное субцарство было официально переколонизовано лишь после многих, многих столетий запустения. Кассаус утешил себя тем, что, по крайней мере, он ненадолго останется в этом мрачном месте. Совершит быстрый визит, а потом уйдет в какие-нибудь более подходящие царства.

Архонт Кассаус и его свита вошли в этот мирок через поросшую мхом арку

недалеко от побережья. Налево и направо
вдоль осыпающейся каменной стены
тянулась дорога, изрытая глубокими
колеями, которая затем начинала круто
изгибаться, поднимаясь на нависающие над
морем утесы. Убогие хижины неровно
лепились к скалам вдоль дороги, словно
многолетние скопления помета,
соединенные шаткити с виду лестницами
и покачивающимися веревочными
лестницами. Воздух был наполнен запахом
морской соли и гниющей рыбы. Грохот волн
и крики птиц атаковали уши Кассауса
самым неприятным образом.

Они начали взбираться по дороге
вверх, и воины Кассауса быстро шагали
вперед, расчищая путь его плавно
парящему паланкину. Түземцы
претерпевали проклятья и удары воинов с
напористым упрямством, которое
граничило с дерзостью, что только
сильнее раздражало Кассауса. Они
выстроились по обеим сторонам вдоль
узкого пути, наблюдая за продвижением
свиты лишенными век, похожими на
блюдоглазых. Кассаус поразмыслил над

тем, не наказать ли кого-то из них в
наказание другим, но нехотя заключил,
что не может позволить себе задержку.
Собрат-архонт Вайл уже ждал его где-то
наверху, и терпеливость не была одной из
его сильных сторон.

Очевидно, все острова в Траурной
Марке, которые могли похвастаться
пригодными для жизни условиями, были
довольно-таки похожи на этот. Их
глубины заросли мрачными лесами и
непролазными чащами, которые стали
готовом для скрытных леонтиров,
врачливых зроксов и других созданий,
идентифицировать которых было
сложнее. С высоких утесов, окаймляющих
острова, открывался вид на вечно бурные
моря, в которых, как говорили, аборигены-
амфибии строили планы, как погубить
всех сухопутных захватчиков.

Атмосфера тут царила явно
напряженная, как вскоре начал понимать
Кассаус. От толпы, сквозь которую
проталкивалась процессия, исходило
практически осязаемое ощущение
сдерживаемого гнева. Кассаусу казалось,

будто они продвигаются сквозь густой туман, который нехотя поддается под напором. Все больше тусклых глаз глядело на него с жаждой убийства, которую они быстро скрывали снова. Кассаус жестоко улыбнулся, надеясь, что им хватит глупости попытаться. Двадцати воинам-кабалитов, которых он взял с собой, будет достаточно, чтобы без всяких усилий разорить поселение готла.

Кассаус поднял взгляд со своего плавно движущегося паланкина. Еще больше слезооных морг усиливало здания и мосты наверху. Рано или поздно одному из туземцев покажется, что ему сойдет с рук сбросить горшок с экскрементами на усеянных шипами воинов, пробивающих путь по дороге. Или же кто-то, может быть, просто натолкнется на другого и что-нибудь случайно уронит. Кассаусу было все равно, любой провокации было бы достаточно, чтобы ему захотелось убивать. Он облизнулся в предвкушении. Придется только потом объяснить Вайлу, почему он счел нужным искалечить и затупить несколько сотен его подданных.

Наверху началось какое-то стяжение, в любой момент могла завязаться схватка. Кассаус с готовностью положил руку на украшенную рукоять своего пистолета.

--- Подождите, пожалуйста! ---
Раздался чей-то ележный голос. Гладкокожие туземцы попадали на колени, словно колосья под косой, прикрывая темные глаза перепончатыми пальцами. До слуха Кассауса донесся вой гравитационных двигателей, и через секунду над дорогой неподвижно зависли три небесных колесницы «Яг». Палубы двух транспортов были пусты, но на том, что парил в центре, стояла фигура, заграпированная в пышные одежды, которые могли бы произвести впечатление в самом вечном городе, если бы это было несколько тысяч лет назад. Кассаусу пришлось подавить разочарование, когда он узнал исхудалое лицо владельца этих одежд.

--- Цезаря! Чего тебе нужно, жаба? ---
Грохотом окликнул Кассаус. Его воины вскинули головы в шлехах, глядя на

новоприбывшего с таким видом, который ясно говорил об испытываемом ими пренебрежении.

--- Великий и ужасный Лорд-Сороконог послал меня найти вас, архонт Кассаис, --- ответил тот, кого звали Цегара. --- Он с нетерпением жаждет поохотиться, поэтому он поручил мне отыскать вас и привезти к нему без дальнейшого промедления.

--- Бьюсь об заклад, он потратил на это меньше слов, чем ты, --- фыркнул Кассаис и остотрелся, глядя на распростертых ниц түземцев. Они внезапно показались ему куда как менее интересными. --- Отлично, вези меня к нему. Я знаю, Вайл может стать до безобразия ворчливым, когда ему скучно.

Цегара заискивающе улыбнулся в ответ. Окажись Кассаис несговорчивей, и его жизнь могла бы стать куда тяжелее.

--- Как вы видите, я взял на себя ответственность подогнать дополнительные транспорты на случай, если вы предпочтете более... э... прямой путь из трющоб.

--- Нельзя ұстирмъ рабѡв, просто летая тѹда-сюда наг их головами, --- попенял Кассаис, слезая с паланкина. --- Их надо ұचितъ ұваженію там, где они живѹт --- внизу, в грязи.

--- О, это очень хорошее наблюдение... --- нерешительно согласился Ёегара, когда Кассаис схватился за порѹчень его «Яга» и запрыгнул на борт. Десять воинов архонта быстро заполнили палѹбы дрѹгих машин группами по пятеро.

--- Я подѹмал, может быть, вам захочется взять один из... э... дрѹгих транспортных для персонального использования, --- сказал Ёегара с ноткой отчаянія в голосе. Кассаис имел мощное телосложение и был облачен в полный доспех, оставлявшій открытым только лицо. На ѹзкой палѹбе «Яга» было мало места, и сложные складки и гофрированные детали одеяния Ёегары то и дело грозили порваться об острія, украшающіе лодыжки и локти причѹдливой брони архонта.

Кассаис наклонился над ним, отчего Ёегара отшатнулся и налетел спиной на

перила, чтобы не напороться на шины.

--- Ты бы этого хотел, не правда ли? ---
сказал он в потное лицо Ёгара. ---
Посадить меня одного на какой-то толстый
провинциальный небоцикл и просто
довериться Лилиты, чтобы я добрался до
пункта назначения целым и невредимым.
Но ведь может произойти какой-нибудь
трагический несчастный случай, причем, я
уверен, совершенно непревзвешенный. И все
же я готов поспорить, что твой
собственный транспорт в идеальном
состоянии.

Ёгара тревожно сглотнул и выдавил
улыбку, с трудом пытаясь сохранить
достоинство. Колморриты вроде Кассауса
всегда презрительно относились к
чужеземцам, таким, как Ольтанир
Ёгара. Неважно, что клан Ёгара
независимо правил Траурной Маркой на
протяжении столетий, неважно, что
щедрые дары ее морей были жизненно
важны для прокорма бесчисленных
голодных ртов Колморры. Для Кассауса
имело значение лишь то, что Ёгара не
был из вечного города. Он был

простолюдином, неотесанным провинциалом, варваром, существом лишь чуть выше раба.

Кассаус глядел ему прямо в глаза и заметил, что там разгорается огонек неповиновения. Колморрит безрадостно ухмыльнулся и наклонился еще ближе, оттесняя Ёегару назад. Выглядел он так, будто серьезно размышлял над тем, не вывернуть ли того через перила на верную смерть, к камням в сотнях метров внизу. Через долгое мучительное мгновение Кассаус слягчился, взял Ёегару рукой в бронированной перчатке и снова поставил на ноги.

— Ну что ж, давай тогда поедет разыщем Вайла, — сказал он, как будто ничего и не произошло. Ольтанир Ёегара угрожал в хватке архонта.

Он просипел водителю приказ, чтобы тот отвез их в крепость. Три «Яга» поднялись и плавно заскользили прочь. Вскоре десять воинов Кассауса, которые остались позади, превратились в ряд крошечных, похожих на муравьев фигурок, ползущих по скале. Кассаус задумался.

могут ли тугезцы воспользоваться шансом, чтобы атаковать уменьшившийся отряд, и пожалел, что уже не сможет посмотреть, сделают ли они это.

На одном конце острова поднимался похожий на таран мыс, гора из земли и камня, возвышающаяся над лесами внутренней части суши. На ее вершине громоздилось нечто, казавшееся беспорядочной кучей камней, которой грубо придали форму множества поросших мхом башен, турелей и бастионов. Толстые наклонные стены окружали строение с трех сторон, но та сторона, что была ближе всего к морю, представляла собой что-то вроде пчелиных сот из открытых комнат, незаконченных лестниц и коридоров, которые открывались в пустоту. Внизу, у подножия утеса, волны триумфально накатывали на обрушившийся камень и неустанно трудились, еще сильнее подмачивая основание оставшегося строения.

Это была Гробница Ветров, древнее родовое поместье клана Цегара. Семья возвела эту крепость в самые первые дни

колонизации, а точнее говоря, заставила порабощенных туземцев построить ее для себя. Эти существа тогда были более многочисленны, и поговаривали, что великая матрона Б'Кви Ёгара скрепляла катни их плотью и кровью. На других островах тоже были крепости, но Гробница Ветров была первой и величайшей из них, и Ёгара веками подкупали, вели политику и убивали, чтобы такой она и осталась.

До относительно недавнего времени Гробница Ветров, окутанная тяжелой сонной атмосферой пресыщенной вседозволенности и бесконечных интриг, составляла весь мир Ольтанира Ёгары. Теперь дом его семьи был сплошь увешан трачными пурпурными и багровыми знаменами Лорда-Сороконута. Тысячи сверкающих точек виднелись там, где меж древних катней были грубо вколочены колья для казней, как доказательство тому, что Лорд-Сороконут неспроста получил такое прозвище. Большинство несчастных, насаженных на колья, принадлежали к клану Ёгара — это были

двоюродные братья и сестры Ольтанира, племянницы и племянники, матроны и патриархи. В последнее время к ним присоединялось все больше гладкокожих аборигенов по мере того, как одному их поселению за другим давали понять, что жизнь для них изменилась полностью и навсегда.

Три небесные колесницы «Яг» стремительно снижались к широкому, заросшему травой пространству перед крепостью. Лес, подбирившийся к стенам, был выжжен, чтобы освободить место для увеселений на свежем воздухе и посадки кораблей. В настоящий момент тут кипела бурная деятельность: туда-сюда метались ливрейные лакеи, облаченные в доспехи стражники ходили патрулями, укротители бранили своих зверей. Впервые за все путешествие архонт Кассаис немного оживился и проявил к чему-то внимание.

— Что это за существа? — с неожиданным интересом спросил котморрит.

Цегара с некоторым смятением

оглядел сцену перед собой. Насколько он мог сказать, здесь не было ничего необычного. Разве что...

--- Вы имеете в виду ездовых зверей? ---
осторожно придерживаясь нейтрального тона, переспросил Цезара. Несмотря на его усилия, Кассаус бросил на него испепеляющий взгляд.

--- Конечно, ездовых зверей, тупая ты жаба! --- выплюнул он с отвращением.

--- Мы зовем их аркотеврами. Это местная форма жизни, обычно встречающаяся лишь в глубоких водах, --- поспешно начал объяснять Цезара. --- Если их отловить в достаточно юном возрасте, то можно вырастить из них воздушную форму, которую вы здесь видите.

По форме аркотевры напоминали ленты, под которыми болталось множество искривленных лап. От одного конца до другого их покрывали защитные хитиновые пластины, от самых малых, не более ногтя, и до огромных, в два размаха рук, что опоясывали середину туловища. Эти создания плыли над самой травой, ритмично изгибаясь, словно волны

катились по их телам от изогнутых
ротových частей.

Когда эльдары слезли с «Ягов»,
Кассаис увидел, что на большинстве этих
существ, прямо над пастями, закреплены
седла с высокими спинками. На некоторых
уже восседали наездники в высоких шлемах
с плюмажами, вооруженные глиняными
копьями с крюками.

Цегара повел его к самому тесному
скоплению животных и лакеев. Когда они
подошли ближе, в ноздри ударило зловоние
ездовых зверей. Там, возле особенно
заметного аркотебра, окрашенного в черно-
золотые полосы, стоял Байл.

Лорг-Сороконут обратил мрачный
взгляд на подлетающих Кассаиса и Цегару.
Его темные, зачесанные назад волосы и
хищные черты лица действительно
вызывали в памяти образ его тотема,
птицы-тясника. Архонт Байл'ак Ак Байл
Меншас, также известный как Лорг-
Сороконут, недавно унаследовавший
Траурную Марку, что принадлежала
Цегаре по праву рождения, фаворит
Верховного Властелина, Асдрубазля

Векта.

--- Я удивлен, что ты потрудился прийти, и даже более удивлен тем, что ты сюда добрался, --- пренебрежительно проговорил Вайл. --- Ты, верно, чего-то очень сильно хочешь, раз уж совершил такое путешествие.

--- Вздор! --- ухмыльнувшись, воскликнул Кассаус. --- Хорошо же ты приветствуешь своего кровного родича, что так далеко ушел от цивилизации, чтобы поздравить тебя с последним приобретением!

Вайла, судя по виду, не тронули протесты Кассауса, и он повернулся к Цезаре.

--- Что случилось у береговой линии? Какие-то проблемы?

--- Нет, все было тихо, мой архонт, --- глухо заулыбался Цезара.

--- Что за чушь, я был готов вот-вот приказать их вырезать, --- фыркнул Кассаус. --- Туземцы неспокойны, Вайл. Я не знаю, что ты такого сделал, чтобы вызвать их гнев, но это явно сработало.

Вайл пропустил колкость мило

ушей, снова повернулся к своему ездовому зверю и отогнал слуг, чтобы самому поправить седло. Минутой провозившись в молчании, Вайл снова заговорил.

--- Это никак напрямую не связано со мной, то-то и досадно, --- произнес Лорд Сорокопут с незнакомой ноткой в голосе. --- Мне хватило работы, когда я учил этих неблагодарных перепончатоланых дикарей, кто тут теперь хозяин, после того, как Цезара по глупости потакали ил сотни лет. Но это что-то иное. Давай, выбирай себе скакуна, и я все расскажу тебе по дороге.

--- О, какие экзотические удовольствия, Вайл, ты меня разбалуешь! --- ухмыльнулся Кассаис. Оглядевшись, он не увидел ни одного иного черно-золотого зверя, что несколько подпортило его первоначальный план. Вместо этого он обошелся боевитой, судя по виду, красно-черной особью. Архонт проигнорировал небольшую лесенку, которую поднесли слуги, и запрыгнул в седло, как стоял. Этим он заработал несколько ахов и чутков вежливых аплодисментов от свиты

Вайла плюс одобрительные крики своих собственных воинов на палубах «Ягов».

Лорд-Сороконут презрительно взглянул сверху вниз на Цегару, стоящего среди слуг и дрессировщиков.

— Уди внутрь и убедись, чтоб к нашему возвращению все было готово, — сказал Вайл и перевел взгляд на темный край леса, — и пусть воинов Кассауса разместят так, чтоб всем было удобно, когда придут оставшиеся. Поехали, Кассаус — эти твари падают наземь, как соляриты, как только восходят луны.

Лорд-Сороконут ринулся прочь на аркотебре, затрепетавшем над травой, как знамя на крепком ветру. Как и подозревал Кассаус, крючковатые копья использовались, чтобы понукать зверей, а для того, чтобы направлять их, достаточно было перемещать вес тела. Животные одинаковы по всей вселенной, весело подумал Кассаус, ткни их шпорати, и они потчатся. Он тронул собственного скакуна и быстро догнал Вайла, едущего во главе яркой волнующейся фаланги стражников, разведчиков и фаворитов, с

большим или меньшим успехом старавшихся совладать со своими зверями.

--- Стотри держи ноги подальше от его рта, --- крикнул Вайл, подлетев ближе. --- У них некротизирующий яд, от которого даже у тебя глаза заслезятся.

Кассаус фыркнул, но все равно убедился, что его ноги, как положено, закреплены в стременах.

--- Ну, что же это за проблема, о которой ты говорил, если это не туземцы --- и, кстати говоря, на что ты охотился?

--- На ресзикса, это большое, похожее на кошку животное. Разведчики заметили одного утром и подогнали его поближе к крепости, --- отвлеченно ответил Вайл, все еще глядя на надвигающуюся крошечную лесу. Кассаус с удивлением отметил, как быстро она приближается, быстрее, чем он предполагал --- обманчиво плавные извивающиеся движения аркотебров оказались стремительными.

--- А в чем другая проблема? --- подтолкнул Кассаус.

--- Что-то не так с воротами, --- нехотя сказал Вайл. --- Это началось

несколько дней назад, и с тех пор в это
сателлитное царство можно проникнуть,
но нельзя его покинуть.

--- Что?! --- возопил Кассаис так
громко, что с близлежащих деревьев
поднялись испуганные стаи птиц.

Глава третья

Гробница Ветров

Ольтанир Ёзгара пробирался по переполненному газону обратно к Гробнице Ветров. Он бросил лишь один взгляд назад, когда охота поднялась в воздух. У него было мало времени. Он искренне надеялся, что Кассаус и Вайл погибли в лесу. Там была масса опасностей, и не последнюю из них представляли собой их собственные опасные и темперamentные ездовые звери. К несчастью, вероятность того, что Лорд-Сороконог умрет в результате какого-то несчастного случая, была невелика. Котморриты были слишком живучими и осторожными, чтобы пасть жертвой подобных вещей. Они еще вернутся.

У всех котморритов, казалось, были глаза на затылке и неприятная способность в любой момент времени проникать в то, что происходило у него в голове. Ольтаниру Ёзгаре пришлось потратить немало времени, чтобы

понять, в чем дело. Поначалу это казалось
некой формой теленатии или эмпатии,
отголоском психических сил, которые и
каким-то образом удалось скрыть от Той,
что Жаждет. Через какое-то время он
осознал, что котморриты полностью
утвердили эту часть себя, даже более
тщательно, чем клан Ёгара. Иначе и
за что не удалось бы пережить Нагение ---
или, точнее, только тем из них, кто смог
отвергнуть собственную врожденную
психическую натуру, суждено было
показаться среди выживших.

Когда он приблизился к крепости,
двое вассалов, стоявших на посту перед
внешними дверями, распахнули створки
перед ним. Оба они были верными слугами
клана, но теперь их кожу терзали ливреи
Лорда-Сороконута. Ёгара кивнул
вассалам, проходя мимо, и отметил, как
тщательно они проигнорировали жест.
Слишком много миньонов Лорда-
Сороконута могло их увидеть, а кроме
них, были еще и предатели среди тех, кто
считался верными Ёгаре. Он подобрал
свои складчатые юбки и торопливо вошел

внутри.

Прочные, толстые деревянные двери с грохотом захлопнулись за спиной, и он на миг почувствовал иллюзию безопасности. Перед ним простирался вестибюль, уводящий в глубины крепости. Вдоль всех стен тянулись нависающие над полом стрелковые галереи, по которым расхаживали стражники Лорда-Сорокопута. Галереи были украшены рядами антикварных доспехов, которые выдвинулись между узорчатыми колоннами, так что казалось, будто высокие шлемы стражников движутся посреди безмолвной застывшей толпы. Ниже, на стенах зала, висели многочисленные абстрактные gobelены и древние картины в рамах. Несколько полос дневного света косыми падали вниз из узких высоких окон, высвечивая пылинки, танцующие в теплом застоявшемся воздухе.

Все это было просто фикцией, усыпляющей бдительность посетителей, пасторальным камуфляжем, которым клан Цегара начал пользоваться еще тысячи лет назад, когда прибыл в

Траурную Марку и построил Гробницу
Ветров. Устертые квадратные каменные
плиты под ногами Цезаря как будто были
неровно уложены, но выглядели так только
потому, что одна из четырех таких плит
являлась люком, который отправлял
жертв пряником в подвал, где находился
котлован, полный едкой слизи. За
гобеленами располагались потайные двери,
через которые можно было быстро
сбежать или незаметно впустить
помощников-убийц. В зале имелись и более
продвинутое ловушки. Узорчатые колонны
содержали излучатели силовых полей,
которые могли оградить вестибюль куда
надежнее, чем впечатляющие с виду
резные деревянные двери. Подобная
хитрость и мастерство позволили
Цезарю править Траурной Маркой на
протяжении веков, невзирая на то, что
многие бросали им вызов.

Для котлорритов, для Вайла
Меншаса, Лорда-Сороконута, все эти
оборонительные устройства были просто
детскими игрушками, шутками, которые
могли только смешать, но не

представлять опасность. Для них клан
Цегара был кучкой простаков — слабых,
вырождающихся и изнеженных. Ольтаниру
казалось, что за много столетий
воспоминания его клана о великом
портовом городе Котморре стали
разрозненными и во многом
приукрашенными по сравнению с
реальностью. Конечно, он не был готов к
тому, что на самом деле представляли
собой его жители, а когда он это понял,
было уже слишком поздно, чтобы
предотвратить их вторжение.

Котморриты были суровы и
бескомпромиссны, и Цегары давно забыли,
когда были такими. Пока их клан правил
своей маленькой вотчиной, великий город
Котморра переживал бесконечную череду
чисток, революций, вторжений, погромов и
стен режима. Ольтанир теперь понимал,
почему ему казалось, что они способны
читать мысли. На самом деле
котморритам, особенно архонтам вроде
Вайла и его родственника Кассауса,
пришлось научиться читать выражения
лиц и язык тела и добиться в этом

поистине удивительной точности, так как от этого зависело их выживание. В Колморре перфекционизм, которым была одержима эльдарская раса, был нацелен на то, чтобы засекать малейшие колебания, способные указать на ложь, или трепет в глазах, что мог означать мысль о предательстве.

Цегара спешно побежал через вестибюль, чисто по привычке избегая плит с ловушками. Все ямы, так или иначе, были закрыты и заперты по настоянию Вайла, но в прошлом немало членов клана обнаружило, что затки могут проржаветь — или просто остаться открытыми, невзирая на приказ. Цегара тяжело дышал и слегка вспомел к тому времени, как достиг восьмиугольного помещения в дальнем конце холла, которое было известно как Слиание. Слиание находилось в центре между вестибюлем и семью другими флигелями крепости.

По традиции каждый флигель именовался по цвету, который преобладал в его убранстве: Санфировый, Аметистовый, Узлтрүдный, Янтарный,

Хрустальный, фиолетовый и Ониксовый. На протяжении столетий клан Ёзгара, руководствуясь своими прихотями, украшал флигели в подобающей расцветке. Со временем это привело к тому, что, к примеру, все предметы в Санфировом флигеле имели исключительно синий цвет. Мебель, светильники, драпировки, орнаменты, фрески, инструменты, зеркала, щетки для волос — все было окрашено в тысячу различных красок и оттенков синего. Таким же образом, Янтарный флигель стал пристанищем для тысяч разных оранжевых тонов, и так далее.

Они стали значить для клана больше, чем просто декор. Возникла традиция, согласно которой те, кого обуревали сменные настроения, бродили из одного флигеля в другой, пока не находили тот, который, по их ощущениям, лучше всего гармонировал с их душевными склонностями. Охваченные тягой к самоанализу устремлялись к Санфировому флигелю, желающие творить — к Аметистовому, подъем жизненных сил соответствовал

Цзылрүдному, неистовство -- Янтарному,
превосходство --- Хрустальному,
стяжательство -- Фиолетовому. Тех, кого
преследовало отчаянье, тянуло к
Ониксовому флигелю, даже после того, как
самосожжение Ку'изала Ёгары зачернило
его еще сильнее и обрушило часть
крепости в море.

В упорядоченном существовании
Ольтанира Ёгары эти флигеля были
успокаивающим символом контроля и
означали, что клан способен выстраивать
все, как ему хочется. За пределами
крепости, в ревущем хаосе островов, цвета
каждый день мешались как попало, но
внутри все было иначе. Внутри крепости
клан поддерживал идеальный порядок,
столь ровный и неизменный, что века
текли мимо практически незаметно.
Ольтанир на миг остановился и вздохнул.
В некоторой мере он все же тосковал по
своим сородичам. Быть последним
выжившим членом клана оказалось
труднее, чем он думал.

И все же Гробница Ветров хранила
много секретов, которые еще не

открылись ни Лорд-Сороконуту, ни его
миньонам. Последний Ёзгара украдкой
огляделся и решил, что у него остается
более чем достаточно времени, прежде
чем придется заняться другими делами.
Он направил свои стопы к черному
флигелю и вскоре исчез в его законченной
темноте.

В один миг они неслись над травой, а
в следующий уже пересекли тенистую
границу леса и нырнули в его зеленый
океан. Мило мелькали толстые стволы
деревьев, извивающиеся тела аркотевров
расшвыривали в стороны цепкие ветви.
Кассаис угрюмо держался за седло своего
скакунa и старался не отставать от
Лорд-Сороконута, который не слишком
тонко продемонстрировал, насколько
превосходит его в умении управлять
этими лентообразными животными.

По воле случая или замысла, все
придворные и стражники отстали от
двоих архонтов. Через какое-то время
Вайл заметил своего аркотевра, и тот,
свернувшись кольцами, остановился на

полянке, где недавно рухнуло дерево-великан. Слабый солнечный свет сочился сквозь кроны над их головами; алчные соседи уже заполняли освободившееся пространство, протягивая туда ветви. По всей колоссальной глине упавшего ствола проросли лозы и грибы.

Теперь, когда они остановились, Кассаус смог слышать треск, с которым всюду вокруг них сквозь лес летели другие наездники, но буйная листва, окружающая поляну, не позволяла разглядеть ни одного из них. Он многозначительно прочистил горло.

— Ну что ж, дорогой кузен, собираешься ли ты разъяснить мне ситуацию? Хотелось бы знать, насколько огромную ошибку я совершил, прибыв сюда, — подтолкнул Кассаус.

Лорг-Сороконут подозрительно разглядывал деревья, но, кажется, не мог точно определить источник своего дискомфорта. В конце концов он повернулся к Кассаусу и заговорил.

— Когда Асгубаэль Вект послал меня сюда, он дал мне две задачи, которые

я должен выполнить, прежде чем смогу назвать это место по-настоящему своим, — сказал он. — Первая — это установить контроль над популяцией туземцев. Цегары позволяли им размножаться без всяких ограничений, и само их количество стало... проблемой.

Кассаус моментально просветлел при мысли о старом добром прореживании рабских рядов. Вайл прочел выражение его лица и покачал головой.

— Это не так-то просто. Они прячутся в воде и плодятся, как орки. Я сделал все, что можно было сделать прямыми методами. Чтобы завершить дело, мне нужно было больше воинов, и именно поэтому я послал за тобой.

Кассаус сделал огорченный вид и ответил:

— Боюсь, я привез с собой ровно столько воинов, чтобы обеспечить безопасность на время визита, их не хватит для войны.

Вайл просто пожал плечами.

— Это время все равно уже миновало. Я сам предпринял дополнительные меры.

Лорд-Сороконут на миг затолк и
рассеянно пошевелил копьем-стимулом,
чтобы его беспокойный аркопевр оставался
на месте.

--- А какую вторую задачу установил
для тебя наш возлюбленный Верховный
Властелин? --- наконец спросил Кассаус.

--- Он приказал мне устроить экспорт
протеина, вывозимого из Траурной Марки
в Котморру, --- без обиняков ответил Байл.
Кассаус надул щеки от удивления. Алчная
жестокость Векта, похоже, не знала
границ.

--- Я с нетерпением ожидаю услышать
твой план, как совершить этот чудесный
двойной подвиг --- уменьшить рабочую силу
и одновременно повысить
производительность.

Байл наградил Кассауса натянутой
улыбкой.

--- Я отправил океаны, ---
заговорщицким тоном сообщил Лорд-
Сороконут. --- Не пялься на меня, как на
идуота! Пойми, этим я уничтожил
источник пищи аборигенов, так что скоро
они вытрут от голода. В то же время я

собрал в крепости достаточно провизии, чтобы выжить до тех пор, пока моря не восстановят свое плодородие. А когда они это сделают, нам не придется отдавать много добычи, чтоб прокормить местных жителей, потому что они все будут мертвы. Когда ворота снова откроются, я привезу новых рабов и удостоверюсь, что поставки достигнут требуемых объемов.

Брови второго архонта по-прежнему были приподняты, говоря, что эти слова его не убедили.

— Все мы в Хай'кране были очень взволнованы тем, что ты вознесся до положения сюзерена этой субреальности. Теперь же начинает казаться, что она стала чашей с ядом. Ты не думал, что тюзелцы могут постучать в твои двери в поисках ужина?

— Пусть попробуют, — высокомерно выплюнул Байл.

— Хм, может быть, перейдет к тому, что случилось с воротами, дорогой күзен? Почему я застрял в этом отсталом субцарстве и как долго это может продолжаться?

--- Мои мастера не в силах объяснить это, --- раздраженно ответил Вайл. Этот феномен явно досаждал ему куда больше, чем аборигены и заготовки. --- Они говорят, что с этой стороны порталы неактивны. Они не могут объяснить, почему порталы могут на краткий срок активироваться, чтобы впустить что-то внутрь, но при этом ничто не может выйти отсюда. Меня уверяют, что подобные временные помехи случались и в прошлом, и что рано или поздно Колморра решит эту проблему.

--- Это мне кажется не очень удовлетворительным ответом, --- заметил Кассаис.

--- Согласен. Некоторые из мастеров теперь украшают крепость снаружи, чтобы воодушевить остальных на большие усилия. Мало что поменялось.

--- Так как же ты намереваешься проводить время, пока ворота не открылись, а тюзетцы не вытерли с голоду?

--- Я собираюсь устроить банкет, --- с подлинным удовольствием улыбнулся

Вайл.

Кассаис тоже улыбнулся, оценив шутку, и открыл рот, чтобы ответить. Только в этот миг он разглядел уголком глаза какое-то белое мелькание. Это было что-то крупное, похожее на кошку, и оно быстро становилось все больше.

Глава четвертая

Охота

Высоко в полозе леса скрывались четыре стройные фигуры. Они стояли, сидели или откинулись на тонкие ветви, как велела им прихоть, на головокружительной высоте над землей. Безмолвные, как статуи, они наблюдали за тем, как охотники на извивающихся аркотеврах тчались над травой и огибали деревья. Ашантүрүс, Цулия, Храдхири Ра и Пестрый с особенным интересом отмечали продвижение Вайла и Кассауса.

Члены труппы легко бежали по пружинистым веткам, чтобы не терять архонтов из виду, пока наконец не остановились у поляны. При помощи своей магии Цулия усилила их барабанные перепонки, чтобы можно было послушать, как архонты беседуют о проблемах субцарства и о том, как Лорг-Сороконүт планирует их разрешить.

--- Надо просто разобратся с ними

здесь и сейчас, -- прошептал Храдхири Ра,
нетерпеливо барабана костлявыми
пальцами по желобчатому стволу своей
пушки.

-- Вздор, -- тут же парировал
Нестрый. -- Мы не знаем, совершил ли кто-
то из них что-либо дурное.

-- «Дурное» -- это довольно
субъективный термин, -- заметил
Ашантүрүс. -- Если верить тому, что мы
только что услышали, эти двое
многократно заслужили смерть. Почему
бы не даровать ее им?

Нестрый пожал плечами, поджал ноги
и положил подбородок на колени.

-- Я всего лишь шут, -- сказал он. --
Ты -- великий король, и великая мудрость --
твоя прерогатива.

Ашантүрүс склонил ухмыляющуюся
маску к невысокой серой фигуре, сидящей
на ветке, как на насесте.

-- Именно так, и великая мудрость
учит нас, что беспричинное
вмешательство только приносит больше
вреда, -- сказал Высший Аватар. --
Вмешательство и... подозрение.

Нестрый одобрительно улыбнулся, услышав тревожные слова короля.

--- Действительно, так, и подозрение, в конечном итоге, никому не приносит пользы --- только факты способны давать плоды. И все же, благородный Храгхири Ра привел разумный вариант, хотя и в уклончивой форме. Почему бы просто не взять их в плен и допросить без лишней спешки? Таким образом мы сможем быстро все распутать.

Ашантүрүс не удостоил его ответом, так что вызов приняла Цилия.

--- Потому что тогда мы останемся с одним виновным и одним невинным, но не сможем просто позволить невинному уйти.

--- «Невинный» в данном случае тоже относительное понятие, --- сухо добавил Храгхири Ра.

--- Истина в том, что, может быть, ни один из этих очаровательных субъектов не является тем, что нам нужен, --- кивнул Нестрый. --- Да, конечно, след с искусственного мира ведет сюда, и, смотрите-ка, тут и правда наличествуют

котториты... но это косвенное
доказательство в худшем своем виде. Само
по себе это нападение могло происходить
отсюда и при том не быть связано с
этими двоими, хотя, если честно, я в
этом несколько сомневаюсь. Я бы хотел,
чтоб вы позволили мне пойти с Лотосом,
мы бы отлично поработали вместе и
могли бы уже найти ответ.

Ашантүрүс посмотрел на Пестрого
сверху вниз, вдоль глинного носа своей
маски, прежде чем ответить:

— У Мастера-мима собственные
задачи. Если для тебя есть роль в этом
представлении, то она предоставится
тебе лишь в подобающей сцене и ни
мгновением раньше.

— Вот, посмотрите! — прошептал
Храгхири Ра. — Пока мы теглили,
вмешалась Природа.

— Или Судьба, — серьезно добавила
Цилия.

С высоты арлекины увидели то, что
выглядело как большая бледная тень,
скользящая среди деревьев. Крупное
животное, напуганное большой кошкой,

кралось к поляне с удивительной текучей грацией. Архонты, судя по всему, не осознавали, что оно приближается, вплоть до того, как зверь прыгнул, и его мускулистая туша пронеслась над поляной с выпущенными когтями и оскаленными клыками, словно молния в белом меху. Арлекины затолкли, наблюдая за начавшейся схваткой до самого завершения, и ни один из них не дернул и мускулом.

Ольтанир Ёгара остановился на пересечении коридоров в глубинах Ониксового флигеля и нервно оглянулся. Он тщательно прислушивался, но звук, который он только что услышал — или гудел, что услышал — больше не повторялся. Ониксовый флигель был пуст. Сюда не приходили ни рабы, ни слуги — у них была хорошая причина избегать этого места — и ни один стражник не брал на себя заботу патрулировать почерневшие от гари коридоры. Как Ольтанир ни напрягал уши, он слышал только отдаленное шипение и грохот волн.

накатывающих на скалы далеко внизу.

Вскоре он двинулся дальше, безошибочно ориентируясь в поворотах и изгибах Ониксового флигеля даже там, где царила крошечная тьма. В конце концов он добрался до старых покоев Ку'изала и протолкнулся между искореженными эбеновыми дверями. На черных стенах и полу внутри виднелись трещины от высокой температуры, которая выжгла всю комнату в разгар пожара. Сквозь рваные пробоины во внешней стене, там, где она выгнулась наружу и обрушилась, проникал свет и шелестящий шум моря.

Не обращая внимания на сумрачные облака и беспокойное море, проглядывающие сквозь прорехи в каменной кладке, Ольтанир припал к полу в центре помещения. Он пошарил в поисках потайного выступа и нажал его, отчего панель у его ног скользнула в сторону. В выемке под ней виднелись четыре округлых силуэта, тускло поблескивающие в сочащемся снаружи свете. Ольтанир довольнo заурчал, выуживая эти вещи одну за другой. Это были круглые сосуды,

увенчанные звериными головами с глазами из драгоценных камней. Он расставил их перед собой, словно миниатюрных придворных, запел низким, меняющимся голосом, а потом протянул руку и по очереди погладил фигуры: жабу, льва, змею и рыбу.

Эти артефакты когда-то давно были главным источником власти Цзар на Траурной Марке. Древние пакты и ритуалы надежно оберегали будущее клана, и цена была невелика: немного пролитой крови и несколько быстро произнесенных заклинаний. Некоторые члены семьи считали их медленными действующим ядом, который пагубно влиял на весь род. После смерти Ку'изала эти вещи были спрятаны из суеверного страха.

Миз колебавшись, Ольтанир поднял правой рукой львиноголовый сосуд и приложил его челюстями к грустному запястью. Он зашипел, когда острые как иглы клыки приняли в жертву его кровь, быстро опустил сосуд на пол и свирепозашептал, обращаясь к львиной голове:

— Убей их. Пошли своих детей и убей их. Я принесу тысячу жертв в твое удовольствие, если случится так, как я желаю. Клянусь в этом на тени Ку'изала.

Ольтанир ничего не услышал, кроме грохота волн, ничего не увидел, кроме туч, проносящихся мимо, но знал, что где-то, в каком-то далеком месте, его проклятие было услышано.

Он поспешно поставил сосуды обратно в тайник, закрыл панель и тщательно затер все следы того, что ее открывали. Теперь последний Цезаря, чувствуя себя несколько спокойнее, покинул покои Ку'изала и начал возвращаться по своим следам. Протиснувшись между изогнутыми створками оплавившихся от жара дверей, он затер как вкопанный. В клинышке света, проникающего в дверную щель, на полу блеснуло что-то, чего там не было, когда Ольтанир вошел всего несколько минут назад.

Он наклонился, протянул руку к вещице, но отдернул ее так быстро, словно перед ним был ядовитый паук. Это был маленький четырехугольник из

кристаллического материала размером не более его ладони. На его поверхности Ольтанир увидел два стилизованных лица, наложенных друг на друга под изысканным углом. Одно смеялось, другое плакало, и у обоих были пустые лица и рты масок. Ольтанир выпрямился, резко набрав воздуха в грудь, и со страхом огляделся. Ничто не встретилось его взгляду, кроме теней и паутины.

Потом он опять услышал этот звук. Тот самый шум, который он уже слышал, когда пробирался по Ониксовому флигелю к покоям Ку'изала, шум, который он списал на шутки собственного воображения. Теперь звук казался ближе, как будто его издавало что-то во траке почти рядом с ним. Это был глухой шелестящий стех, который отдавался эхом в ушах и вызывал мурашки. Ольтанир подобрал юбки и побежал к Слианию.

Двери вестибюля с грохотом распахнулись, и внутрь хлынул поток разнообразно одетых слуг, стражников, придворных и работников. Во главе толпы

или Байл и Кассаус, сердито отмахиваясь от миньонов, чрезмерно заботливо предлагающих помощь и выражающих сочувствие. На одном плече Кассауса доспехи были разорваны, и кровь, которой они были забрызганы, частично принаглежала ему.

Взгляд скрытых под капюшоном глаз Лорда-Сороконута подозрительно метался по сторонам, как будто он в любой миг ожидал нападения. Он остановил взгляд на Цезаре, который стоял, дрожа, у Слияния, в дальнем конце вестибюля, и целеустремленно зашагал к нему.

--- Мой архонт! --- воскликнул Цезара с правдоподобной тревогой и смятением. --- Что случилось? Вы ранены?

--- Нет, --- прорычал Лорд-Сороконут, уловив разочарование, мелькнувшее на лице Цезаря. --- Кассаус оказался настолько глуп, что позволил резнику выгнать из себя кусок.

--- Если честно, то, мне кажется, он нас обоих застал врасплох, --- недовольно возразил Кассаус. --- Я не потню никаких криков вроде «Осторожно, Кассаус, на тебя

вот-вот приземлится кошка в шестнадцать раз больше тебя!» Но во что я не могу поверить, так это в то, что проклятая тварь утудрилась после этого скрыться.

--- Для своего размера они передвигаются быстро, --- нахмурился Вайл. --- И к тому же бесшумно.

Ўегара выглядел бледнее, чем обычно --- фактически, его можно было принять за альбиноса --- к тому же дрожал и никак не мог остановиться. Вайл сначала списал все на переутомление, но, видимо, эта жаба действительно была чем-то искренне напугана. Плеяда ярко разодетых прислужников и сопровождающих неуверенно таячила на уважительном расстоянии вокруг аристократов, и на каждом лице был крупными буквами начертан страх.

--- Банкет подготовлен, как я приказывал? --- ледяным тоном осведомился Вайл. При этих словах взволнованное лицо Ўегары немного прояснилось. Он явно опасался не за банкет. Может быть, Ўегара просто боялся, что

последствия провальнoй охотничьей
экспедиции падут на его голову.

--- В Янтарном флигеле для вас уже
все подготовлено, мой архонт, ---
убедительно затараторил Ольтанир. --- Я
подумал, что это самое подходящее место
для начала.

Кассаис сдвинул брови.

--- Янтарный флигель? ---
пробормотал он.

--- У этой навозной кучи есть семь
флигелей, --- пояснил Вайл. --- Каждую ночь
мы будем пировать в одном из них, меняя
залы один за другим. Можно быть
уверенным, что, когда неделя подойдет к
концу, аборигены будут слишком
ослаблены, чтобы попытаться устроить
против нас какие-либо злодейства.

Цегара снова занервничал.

--- Только не в Ониксовом флигеле,
мой архонт. Советую не делать этого,
Ониксовый флигель --- самое...
неподходящее место для чего бы то ни
было, не говоря уже о пире.

Вайл резко повернулся к Цегаре и
ударил его по лицу с такой силой, что

тот растянулся на полу.

--- Даже не стей говорить мне, что
сделать, --- прорычал Лорг-Сороконут. --- Я
готов плясать, играть и блевать во всех
драгоценных залах твоих предков, чтобы
сделать их своим владением, даже в этом
заколдованном черном флигеле со всеми
его жалкими призраками и бесполезными
проклятьями. А теперь вставай.

Цегара неловко поднялся на ноги. На
его лице горел след от удара латной
перчаткой. Кассаус стоял в стороне,
постеиваясь, пока Лорг-Сороконут унижал
последнего Цегару на глазах его бывших
слуг и рабов. Вайл стоял совершенно
неподвижно, пристально глядя на Цегару и
ожидая ответа.

--- Я глубоко раскаиваюсь, мой архонт,
--- быстро пробормотал Цегара порванными
губами. --- Я забыл свое место. Вы ---
единственный господин в этом доме.

--- Именно так, и ты --- мой раб, ---
сказал Вайл. --- Ты слишком много о себе
возомнил, раз считаешь, что можешь
давать мне советы.

Цегара печально закивал, соглашаясь.

чем вызвал жестокую улыбку на лице Вайла.

— Быть может, мне следует отправить тебя наружу, дожидаться смерти вместе с тюзетцами — я уверен, они с радостью примут последнего из рода своих давних благодетелей.

Цегара невольно содрогнулся. Тем грубым пыткам, которым подвергли бы егоaborигены, если бы получили возможность, было не сравниться с тем, что могли сделать колморриты, но все же мысль о них наполнила его разум ужасом.

— Может быть, нам уже стоит приступить к банкету, Вайл? — несколько заискивающе спросил Кассанс. — От ускоренного исцеления мне всегда хочется чутко перекусить.

Вайл бросил резкий взгляд на другого архонта, а затем кивнул. По лицу Цегары он видел, что тот все еще что-то прячет — один из многих секретов, которые, как думал Ольтанир, неведомы его новому хозяину. Он утешил себя мыслью о том, что у него еще предостаточно времени, чтобы как следует заняться этим

слабаком и вырвать все ответы,
скрывающиеся в его темном гнилом черепе.
Было бы неплохо, если в предстоящую
неделю ил бюджет чем дополнительно
поразвлечься.

Глава пятая

Первый банкет

Для пиршества в Янтарном зале установили великолепный стол из роскошного полированного дерева, длиною в сто шагов. Он стонал под тяжестью блюд с яствами. Здесь были тысячи серебристых рыб, тириады всевозможных размеров и разновидностей, от мелочи длиной в палец до океанских левиафанов. Они были припущены, изжарены, сварены, запечены и оставлены сырыми. На филигранных подносах вздымались грожащие груды икры, ракообразных, беспозвоночных и моллюсков, как в природной известковой броне, так и без нее. Ливрейные лакеи в одеяниях цвета охры и бронзы стояли вдоль стен, в то время как придворные и наложницы Вайла осторожно общались с воинами Кассауса и бывшими управителями клана Цезара.

Лорд-Сороконут сидел, откинувшись, на троне во главе стола, по правую руку от

него разместился Кассиус, а неподалеку
монгался взволнованный Ольтанир
Цезаря. Вайл без интереса ковырял еду,
поставленную перед ним, наблюдая за
вычурно разодетой толпой. К его
обращению, многие гости предпочли
облачиться в оттенки, соответствующие
монокромной теме зала. Среди них явно
преобладали янтарные, красно-коричневые,
темно-зеленые и бежевые тона, а более дерзкие
личности отошли в сторону угольно-
черного или золотого цвета. В
результате зал выглядел полным
размытых пастельных фантомов,
колышущихся в неясном свете. Бросая
вызов подобной манерности, Вайл
предпочел облачиться в жесткий жилет
кроваво-красного цвета поверх полночно-
черного, облегающего тело костюма.
Снаружи, словно отражая его мрачное
настроение, собирался шторм, и время от
времени в высоких узких окнах мелькали
копья белого света, превращая зал в резкую
рельефную картину под аккомпанемент
раскатов грома.

Хотя Вайл ни за что бы в этом не

признался, он чувствовал во рту пепельный привкус страха. Он многое поставил на кон, чтобы добиться милости Верховного Властелина и стать его сенешалем в Траурной Марке. Лорг-Сороконут не уклонялся ни от каких деяний, какими бы гнусными они не были, но, чтобы достигнуть своего нынешнего положения, ему пришлось пойти на меры, которые были экстраординарны даже по его меркам. Упрямство туземцев, алчные требования Асгубаэля Векта, слабость Цезар, все как будто сговорилось, чтобы направить ситуацию по самому опасному пути развития.

Кассаус внимательно наблюдал за Вайлом и время от времени ерзал от дискомфорта, вызванного неестественно быстрым заживлением ран, нанесенных ему реззиком. Он тщательно старался сохранить на лице выражение удовольствия и надменности, но за этой маской скрывалась стремительная работа ума. При всей своей бравате Лорг-Сороконут, судя по всему, по уши увяз в проблемах Траурной Марки. Если бы

ворота работали, подумал Кассаис, он бы давно уже убрался отсюда. Как бы то ни было, сейчас Кассаис сидел и размышлял, как бы ему лучше извлечь выгоду из этого положения.

Ольтанир Цегара всецело сконцентрировался лишь на том, чтобы сохранять спокойствие. Кристаллическая пластина, которую он нашел в черном флигеле у покойев Ку'изала, снова и снова возвращалась на передний план его раздумий. Часть его хотела рассказать Лорд-Сороконуту о находке и покаяться, что он не сообщил раньше, пока Вайл сам это не выяснил. Другая часть предостерегала его от подобной глупости. Лорд-Сороконут убьет его, если узнает об этом. Третий, коварный голос говорил, чтобы он ничего не делал и надеялся, что толня поразит его учителя, не навредив ему самому. В конце концов, если Ольтанир призвал это проклятие, он сам наверняка должен быть защищен от него?

Особенно яркая вспышка озарила зал, через несколько секунд совсем невдалеке загрохотал гром. Цегара резко вдохнул и

заморгал, прогоняя из глаз пятна, оставшиеся от света. На оди-единственный миг этой вспышки комната разделилась на белый свет и четко очерченные тени, так что гости и мебель стали похожи на плоские фигуры, вырезанные из бумаги. В тот миг Ольтанир увидел силуэт, которого здесь раньше не было, нечто глинное и тонкое, неестественно скорчившееся подле трона Вайла. Он с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от ужаса, но, когда его зрение прояснилось, там уже ничего не было. Вайл сердито уставился на него в ответ.

— На что ты пялишься, глупец? — ощерился Лорд-Сороконут. — Ты выглядишь так, будто увидел какого-то из своих вялых и цестных родственников, восставшего из мертвых.

— Ни на что, простите меня, я... о боги! — вдруг вскрикнул Ёгара. На последних словах он сорвался на истерический визг. Вайл и Кассаис тут же вскочили с мест, готовые сражаться, хотя и не знали, откуда грозит опасность. Остальные гости погрузились в

шокированное молчание и вытягивали шею, пытаясь увидеть, что за приступ безумия охватил последнего Цезаря.

— И что? — через секунду растаял Кассаус. — Я уж думал, та кошка явилась на второй раунд.

Ольтанир Цезара не сводил глаз с угла стола, где миг назад лежала рука Вайла. Там, невинно пристроившись на богатых извивах дровяного узора, лежала кристаллическая пластина, то ли та, что он нашел рядом с покоями Ку'изала, то ли другая такая же. Лорг-Сороконут проследил за его взглядом и сразу наткнулся на таленький поблескивающий прямоугольник.

Пробормотав угрозы, он наклонился и стал его рассматривать.

Кассаус тихо чертыхнулся. Еще одна кристаллическая пластинка терцала на том месте, где он сидел. Не обращая внимания на любые потенциальные опасности, он поднял тонкий прямоугольник и оглядел его. Изображенные на поверхности двойные маски, плачущая и смеющаяся, загадочно

взирали на него пустыми глазницами.

--- Кажется, Вайл, к тебе пожаловали незванные гости, --- через миз произнес Кассаис, --- если только это не какая-то подстроенная тобой забава, о которой ты, хитрая бестия, умолчал.

--- Что... что это значит? --- проблеял Цезара. Зал был погружен в молчание. Все гости повернули свои жестокие и красивые лица к Вайлу, нетерпеливо ожидая, что он скажет об этих странных явлениях. Лорд-Сороконоут уже поднял и изучил собственную пластинку. Он бросил ее обратно на стол и улыбнулся своей ледяной улыбкой, прежде чем ответить.

--- Это означает, что меня избрали для особой чести, коей я, в щедрости своей, поделюсь с вами, мои гости и придворные, --- громко произнес Вайл. Сквозь его голос снова пробился гром, и он начал медленно идти вдоль стола, продолжая говорить. --- Нас пригласили поучаствовать в Маскараде, и мы увидим такие зрелища, что немногие и в самой Колморре могут похвастаться тем, что наблюдали их.

Лорд-Сороконоут остановился.

запрокинул голову и выкрикнул еще громче:

— Я согласен, слышите меня, арлекины? Я знаю, что вы слушаете меня. Я принимаю предложение. Придите, откройте себя моему залу.

Как только слова сорвались с его губ, рядом с ним произошла небольшая вспышка и в воздухе театрально взмыло кольцо белого дыма. Дым рассеялся по сторонам, открыв голговызую фигуру в темной облегающей одежде, с лицом, скрытым за маской с вихрящимся узором. Глубокое существо поклонилось в пояс, согнувшись почти пополам, и ловко шагнуло в сторону. При этом, благодаря какому-то обману зрения, рядом с Вайлом вдруг оказалось уже две фигуры. На маске одной из них теперь появилась стилизованная ухмылка Цегораха, а по другой стекали слезы Уши.

Оба фантома снова поклонились и встали в позу, выгнув одну руку над головой так, чтобы она соприкасалась кончиками пальцев с рукой партнера, а другую держа поперек корпуса и касаясь друг друга ладонями. Две фигуры начали танцевать

пог неслышную музыку. Сначала в кўртўазном па-де-де они пронеслись вокруг всего зала, одновременно торжественно и до смешного нелепо, а потом один из них стал вести в танце. Неверные шаги и фортели улыбающейся фигуры становились все более возмутительными, в то время как его плачущий партнер в сложном танце пытался удержать его на верном пути. Двое скакали и кўбыркались друг над другом с ловкостью, которой поражались и восхищались их зрители. Их ладони и кончики пальцев ни разу не оторвались друг от друга, даже когда это казалось невозможным.

Пляска стала более быстрой и исступленной, теперь танцовщица в маске Цици пыталась оттолкнуть от себя того, что улыбался. Неважно, насколько сильно она его отбрасывала, в сторону или в воздух, плачущая танцовщица никак не могла избавиться от смеющегося партнера. Всякий раз ее нежеланный пухажер стремительно возвращался, будто притягиваемый магнитом, и их руки не разделялись. В конце концов она

подбросила его вверх и удержала на весу. Две фигуры превратились в отражения, сомкнувшиеся руками — одно вверх, одно вниз — и балансировали в шатком равновесии. В этой позе они остались на невозможно долгое мгновение, а затем нижняя фигура вдруг уронила своего партнера, вызвав испуганные ахи зрителей. Нагая, две фигуры слились и превратились в единственного танцора в вихрящейся маске, который встал и еще раз поклонился Байлу.

Сразу после поклона со стороны дверей зала раздался громоздобный грохот. Долговязая фигура сгорбилась и приподняла маску-водоворот, глядя на Лорда-Сороконута, словно верная гончая. Байл снисходительно взмахнул рукой.

— Уги вступи их, — сказал он. — Давайте посмотрим, какие еще важные особы пожаловали к нам этой ночью.

Одиноким арлекин вскочил и потчался к дверям. Кассаис воспользовался передышкой, чтобы наклониться и прошептать в ухо Байлу:

— Ты действительно уверен, что это

следует делать, дорогой кузен? Впустить
в этот порт, так сказать, еще один
корабль?

Выражение лица Лорда-Сороконож-
ни на йоту не поменялось от этой
демонстрации неповиновения.

— Тебе бы стоило поучиться у
Цезаря, у вас обоих одна и та же странная
склонность говорить, что мне делать в
таких собственных владениях, — прорычал
Вайл в ответ. — Ты что, хочешь, чтобы я
закрою свои двери перед трушней
арлекинов и претерплю последствия
такого поступка? Я не такой уж глупец!

К этому времени арлекин с силой
толкнул двери и распахнул их створки. За
ними предстала сцена, совершенно
непохожая на угрюмый тесный каменный
Слияния. Теперь за дверями возникла сцена
из зеленого леса, поляна, купающаяся в
ярком солнечном свете. Две фигуры
поднялись из центра лужайки. Одна была
высокая, облаченная в роскошный алый
наряд, увенчанный золотой маской. Другая,
ниже ростом, была закутана в мантию с
капюшоном, которая казалась сотканной

из теней. Когда она поднялась, стало видно, что на ней лишенная каких-либо черт овальная маска, блестящая словно ртуть.

— Приятно встретиться, друзья мои, — сказала красная фигура чудесным, медоточивым голосом, который как будто проникал в каждый уголок зала. — Я — Ашантүрүс, король древней и ныне утраченной страны. Это — Цилия, моя супруга и королева.

Взяв Цилию за руку, Ашантүрүс вошел в двери, и толпа гостей Вайла расступилась перед ним, как изморозь под лучами солнца. В зал вплыл аромат полевых цветов, а с ним послышалось пение птиц. Вдруг за королем появились другие фигуры и встретились в двери сплошным потоком, неся гирлянды, ленты и развешиваемые шелковые знамена. Миг за миг оранжевый зал претерпевал метаморфозу из места, полного коричневатых теней, в яркий, красочный простор, воплощающий дикость и первобытность.

— Благодарю вас за то, что вы

приветствовали моего странствующего
служу Ло'моса и приняли наш Маскарад, ---
сказал Ашантүрүс Байлу, а затем кивнул,
обращаясь к кому-то позади архонта. ---
Позвольте мне также представить
Храгхири Ра и... Пестрого.

Лорг-Сороконүт обернулся и увидел,
что на его собственном троне теперь
восседает невысокая фигура, облаченная в
архаичный костюм, покрытый
крошечными перетекающими ромбами
черного и белого цвета -- действительно
пестрый, подумал Байл. За троном
стояла внушительная фигура в глинном
плаще и череполиком шлеме, видимо,
Шүт Смерти трүппы. Байл трачно
улыбнулся от этого зрелища.

--- Приветствую, Смерть, ---
хладнокровно обратился он к Храгхири
Ра. --- Я всегда думал, что ты стоишь за
моим плечом, и теперь я вижу, что это
правда.

--- Смерть стоит за плечом любого
мертвого, --- проговорил Шүт Смерти
скрипучим голосом. --- Они рождаются
лишь для того, чтобы дожидаться

прикосновения ее костяных пальцев и
покинуть этот мир. Сегодня ли, завтра ---
неважно, в конце концов смерть приходит
за каждым.

Кассаис громко рассмеялся.

--- Может быть, в мире грязи, где вы
живете, это так и есть, но в вечном
городе смерть не имеет власти, --- сказал
он.

--- О, я вынужден с этим поспорить, ---
вставил Пестрый с всезнающей ухмылкой. ---
Я бы сказал, что власть смерти в
Комморре сильнее, чем практически в
любом ином месте во вселенной. Ты
имеешь в виду, что некоторые жители
просто не чувствуют ее прикосновение
так уж часто, но и это не правда. Всё, и я
повторяю, всё одинажды умирает.
Истинный вопрос состоит в том, можно
ли после этого вернуться.

--- Хватит, шут! --- одернул его
Ашантүрүс. --- Эти благородные господа
собрались здесь не для того, чтобы
слушать твой философский вздор! Удались
отсюда до тех пор, пока тебя не призовут.

Пестрый поднялся с язвительной

устешкой и старательно поклонился все-
присутствующим, не исключая и подносов
с моллюсками, прежде чем вальяжно
удалиться, насвистывая на ходу. К этому
времени вход в зал уже полностью исчез
под драпировкой из прозрачной ткани и
проволочными петлями, на которые была
натянута металлическая сеть. Все это
производило эффект сужающейся
естественной пещеры в скале или
изгибающейся воронки торнадо, видного
сверху.

--- Господа, --- более спокойным голосом
произнес Ашантүрүс. Теперь он был тише,
чем прежний, царственный трубный глас. ---
Я представил вам солистов нашего
Маскарада, но, как вы видите, многие
другие также будут играть в нем роли.
Танцоры, музыканты, хор --- и даже сама
сцена --- члены нашей труппы
удовлетворяют все возможные надобности.
Прошу вас и ваших благородных гостей
не взаимодействовать с актерами, пока
они выполняют свою работу, если только
вас не пригласят. Нарушение чревато...
опасностью. Кроме того, когда

представление начнется, оно должно
беспрерывно продолжаться до самого
завершения. Можете ли вы... согласны ли
вы на эти условия?

Глаза Лорда-Сороконогута
проницательно сузились при этих словах
мастера трупны.

— Я могу согласиться с ними, но я не
предоставлю вам полной гарантии, что
никто вас не прервет и не будет докучать
вам. Я могу отдать приказ и наказать
любого из моих гостей или слуг, которые
не подчинятся мне, но я не возьму на себя
ответственность за вмешательство
случая, судьбы или самих богов.

Ашантүрүс наклонил ухмыляющуюся
маску в знак почтения к Вайлү.

— Мудрые слова, мой господин.
Воистину, немногие на всем великом
колесе бытия обладают столь
прагматичным взглядом на реальность,
как вы.

— И как же вы намереваетесь
отплатить Вайлү за его милость? —
высокомерно потребовал ответа Кассаис. —
Как вы будете нас развлекать?

Что-то в этих арлекинах беспокоило Кассаса. Может, это были елейные заверения их притворного «короля». Может быть, то, что он то и дело замечал, как другие арлекины искоса поглядывают на них, как будто на что-то особенно смешное. Как бы там ни было, Кассас чувствовал все больший дискомфорт из-за неожиданного прибытия актеров.

Ашантүрүс ответил голосом, торопливым от, казалось, едва сдерживаемого возбуждения:

— Мы представим вам Падение в трактровке Урсилласа, цикл, который наиболее широко известен под названием «Полүтрак».

Байл исподтишка глянул на Кассаса, но не увидел на его лице никаких признаков узнавания имен, которые упомянул глава труппы. Он решил, что может без опаски продемонстрировать невежество, которое сойдет за смелость. Какому истинному архонту Колморры хватало времени или терпения, чтобы изучить триады пьес, комедий, трагедий

и моралисте, окружающих Падение
эльдарской цивилизации?

--- Никогда о нем не слышал, ---
безразлично сказал Лорг-Сороконут. --- Вы
же не собираетесь утомлять нас какой-то
малоизвестной чепухой, до которой никому
нет дела?

--- Ни в коем случае! --- с чувством
провозгласил Ашантурус. --- «Полутрак» ---
это шедевр! Он необычен тем, что
разделен на три акта, что делает это
произведение весьма подходящим для
длительного празднества, такого, как это.
Полное представление пытались провести
менее чем сотню раз, но, к сожалению, я не
уверен, что нам удастся достичь его даже
перед столь августейшими зрителями.

Вайл обнаружил, что слова арлекина
его задели.

--- Что? Почему нет? Я достоин
лучшего из того, что вы можете
предложить, и даже большего!

Ашантурус ответил с некоторой
нерешительностью:

--- Полное представление «Полутрака»
требует... как бы мне деликатнее

выразиться? Полное представление требует определенного участия со стороны зрителей, на которое большинство оказывается не согласно.

+Действуя тонко,+ мысленно прошептала Цилия в мозг Ашантүрүс. +Не преувеличивай сложность, иначе они могут осознать, что ими манипулируют.+

+Я знаю, что делаю,+ коротко ответил Ашантүрүс. +Сконцентрируйся на Кассаусе -- из этих двоих у него более слабая воля. Если он решится, то решится и Байл -- он ни при каких обстоятельствах не позволит, чтобы гость опередил его.+

Байл и Кассаус понимающе ухмылялись друг другу. Оба знали, что любой из них готов пойти на что угодно, пока это не уталяло их личного могущества или престижа.

Кассаус уже собирался ответить, как его прервал Пестрый, который вывел вперед бледного и дрожащего Ольтанира Цегарү. Подчеркнуто проигнорировав Кассауса и Байла, арлекин с преувеличенной торжественностью

представил Цезарю Ашантүрүсү, кланяясь как заведенный.

+Что замыслил Пестрый?+ подумала Цилия. Ашантүрүс не ответил, но Провидица Теней почувствовала нарастающее напряжение в сознании Высшего Аватара.

--- Ваше величество, этот достойный талант вызвался участвовать в первом акте нашего представления, --- гордо пропел Пестрый. --- Он заверил меня, что понимает все связанные с этим потенциальные риски.

Ашантүрүс едва заметно кивнул, прежде чем повернуться обратно к Вайлү и Кассаусу.

--- Кажется, благодаря стараниям Пестрого у нас уже есть доброволец. Если позволите, господа, это значит, что я должен обратиться к труппе и внести определенные изменения в представление. Один момент, и мы будем готовы приступить к первому акту...

+Рискованно...+ заметила Цилия.

+Пестрый не оставил мне выбора,+ мысленно вздохнул Ашантүрүс. +Полагаю,

они обязательно схватят наживку, когда она заболтается прямо перед ними.+

--- Ты нигде не пойдешь, пока не разъяснишь мне, что происходит, --- отрезал Вайл. Он подхватил со стола кубок и сделал глубокий глоток, чтобы дать себе больше времени и собраться с мыслями и вместе с тем заставить Ашантүрүс ждать, пока он не закончит. У Лорда-Сороконүта появилось ощущение, что трүнны арлекинов пытается не допустить его до ценной добычи, думая, будто он ее недостойн.

--- Ну? --- гаркнул он, швыряя изящный волнистый сосуд обратно на стол. Торопливо подбежал раб, чтобы заново его наполнить.

Ашантүрүс выглядел слегка огорченным, и его ухмыляющаяся маска устоялась вниз, когда он заговорил:

--- Для постановки шедевра Урсилласа необходимо, чтобы один или несколько членов аудитории вплели собственные рассказы в великое полотно изображаемых событий. Известно, что события Нагения можно сделать более живыми и

реалистичными для зрителей, если использовать их в качестве, так сказать, декораций для персональных историй

— Это я могу, — вдруг вывалил Кассаус. На его лице мелькнуло удивление от собственного порыва.

+И ты еще говоришь, что я действую грубо?+ съязвил Ашантүрүс. В ответ до него донесся только отзвук звенящего стиха Цилии.

— Воистину, — одобрительно кивнул Вайл. — Кассаус может поведать уйму рассказов, от которых у вас побелеют волосы, и некоторые из них могут даже показаться правдой! Все они, конечно же, лишь бледные тени по сравнению с глубиной и богатством моей собственной истории, и я чувствую себя уязвленным тем, что ты, мастер трюны, так стремишься отказать мне в участии.

— Прошу вас, поверьте: я не хотел вас оскорбить, — ответил Ашантүрүс, чей густой медоточивый голос был пронизан сожалением. — Как я уже упомянул, в этом есть определенный риск. В прошлом участники так сильно проникались

представлением, что наносили себе вред, веря, что они действительно переживают события, описанные в их собственном рассказе или на более просторном холсте самого Нагения. Некоторые даже заплатились жизнью... Я не желаю подвергать какой-либо опасности нашего почтенного хозяина и покровителя.

+И снова -- не преувеличивай, мой король шутов,+ прошептала Цилия в сознании Ашантүрүса.

-- Опасности -- это пища и питье для нашего рода, -- протүрлыкал Кассаис, частично вернув себе прежний апломб. -- Я не слишком высокого мнения о шансах Цегары на выживание, но Вайл и я определенно слеплены из более прочного теста. Все истинные архонты Котморры тонко понимают, в чем игра отличается от реальности. Такова игра, которую мы разыгрывает друг с другом каждый день.

+И снова ты недооцениваешь показную храбрость котморритов,+ с долей самодовольства ответил Ашантүрүс. +Это создания, вскормленные в гнезде из острых лезвий, а не в тепличной среде

искусственного мира.+

--- Действительно, --- сказал Байл, искоса поглядывая на Кассауса с его довольно-таки неуклюжими речами. --- Решено, мы с Кассаусом поучаствуем в пьесе. Ты сказал, что будет три акта. Пусть Цегара берет на себя первый, чтобы показать, как не следует это делать, Кассаус возьмет второй, чтобы разогреть толпу своей вздорной похвальбой, а я --- третий, чтобы продемонстрировать, как правильно поведают историю, от которой у всех слушателей застынет кровь в жилах.

+Они принимают пьесу за возможность снова рассказать старые страшилки,+ прошептала Цилия.

+И это идеально подходит нашим целям,+ подумал в ответ Ашантүрүс.

--- Все будет так, как вы прикажете, --- с поклоном сказал Ашантүрүс. --- Вы можете отказаться в любой момент, если, посмотрев на пример в лице Цегары, вдруг не захотите продолжать.

--- Мне начинают приедаться твои сомнения, мастер трупны, --- холодно

ответил Байл. --- Не тяните время,
готовьте свое представление.

Ашантүрүс снова поклонился, отошел
назад, а потом быстро шагнул в сторону,
где теперь стояли Ёгара, Цилия и
облаченный в серое Солигер. Под маской
домино Нестрого сияла широкая ухмылка.

Глава шестая

Рассвет / Рассказ предателя

В глубинах пустоты холодно мерцали звезды, по орбитам кружились планеты. Перед зрителями появился Ашантүрүс, теперь полностью облаченный в белые одежды, с золотым посохом в руке, и заговорил нараспев звучным голосом:

--- Во времена рассвета возник
наш народ,
и боги привели его занять свое
место
на великом колесе реальности.

Похожие на призраков дети света появились из-под земли вокруг мастера труппы. Они осматривались светящимися глазами, изучая все вокруг себя, и безмолвно выражали невинную радость,

видя, что они не огни. Огромные тени-силуэты, что двигались на фоне звезд, теперь стали яснее очерчены, сначала мерцанием потусторонних глаз, а потом блеском корон или украшенных драгоценностями одеяний, в которые были облачены эти боги, наблюдающие за всем с высоты.

Запел высокий женственный голос, настойчиво отдающийся в ушах рефреном, призывающий детей собраться вместе. Вскоре к нему присоединились другие голоса: мужские, женские, высокие и низкие, и каждый из них пел на свой собственный мотив. Постепенно они материализовались на звездном небе. Ашантүрүс называл имена богов по мере их появления:

— Великий Азүриан и его
возлюбленная Гуа,
мудрый Хоэк и Цегорах-
обманщик,
дальновидная Лилеат,
стертоносный Кхейн,
трудолюбивый Баул, старуха

Морай-Хез...

и двое, что любили нас больше
всех,

двое, от которых мы пошли:

Уша, мать урожая, и Керноус
охотник.

Цилия приняла роль Уши, Ло'мос
стал Керноусом, богом красной луны.
Некоторые из гругих богов были
благородны, гругие — свирепы, но все их
голоса сливались воедино в великую песнь,
которая то поднималась, то снова
затихала по всему залу, пока Уша и
Керноус танцевали вместе. Крейданн
Цилии выпускал крошечные, звездоподобные
искры, которые взрывались, испуская
ароматные облака над аудиторией. Эти
запрограммированные галлюциногенные газы
были специально нацелены на то, чтобы
усилить и преувеличить то, что
воспринимали зрители.

Тем временем дети богов слетались
вослед Керноусу и Уше, словно листья на
ветру. Они вихрем кружились перед

грандиозным хором, становясь все менее и менее похожими на детей по мере того, как следовали по стопам своих создателей. Дети выросли, их конечности стали длинными, а сложение изящным, и теперь они танцевали, полные достоинства и уверенности.

--- Проходило время, и боги учили нас
Всему, что только могли мы узнать,
И в свою очередь мы узнали,
зачем мы нужны им.
Тленное владычество Смерти простерлось по великому колесу,
Неизбежный конец наступал
всех, кто стоял перед ней.

Костлявые череполикие фигуры Храдхири Ра и его братьев, Шумов Смерти, поднялись из тьмы, словно призванные словами Ашантүрүса, и боги внезапно отступили. Голоса хора стали неровными и воинственными, когда на

сцене возникли эти мрачные силуэты. Шуты Смерти начали повсюду преследовать детей богов, но проворные танцоры уклонялись и уворачивались от них. Вокруг них, со свистом рассекающих воздух, летели только слух слетал с их губ.

Теперь некоторые танцоры вооружились для защиты собственными клинками, что яркими дугами разноцветной энергии металась рядом с темными металлическими лезвиями жнецов. Центральный конфликт распался на множество отдельных водоворотов света и тьмы, где без конца бушевала неистовая акробатическая схватка. Ашантүрүс заговорил снова, на сей раз обращаясь непосредственно к зрителям:

— В это время гибельной распри услышьте же историю о борьбе, триумфе и скорби из более поздней эпохи. Услышьте историю того, кто когда-то, совсем недолго, был господином этого дома. Вслушайтесь в его слова и спросите себя, поступили бы вы иначе.

Вдруг с одной стороны сцены оказался Ольтанир Цегара. Он стоял один в кругу

света и не двигался, охваченный страхом, в то время как всюду вокруг него, будто кометы, по-прежнему кружили танцоры, сражающиеся с живыми подобиями смерти. Воинственное пение хора мало-помалу угасало, пока не превратилось в шелест на заднем плане, подобный звуку волн, омывающих берег. Последний Цегара стоял с широко раскрытыми глазами и томил, пытаясь что-то сказать. Из тьмы, где сидели зрители, донесся издевательский смехок — Байл или Кассаис решил оповестить окружающих о своем презрении.

Этот звук как будто что-то внезапно и глубоко изменил в последнем Цегаре. Он вскинул голову так резко, словно кто-то схватил его за плечи, его губы зашевелились, и он начал говорить высоким голосом, будто напевая:

--- Давным-давно мои предки
нашли это заброшенное царство,
когда бежали от ужаса, что еще
не бросил тень на эту сцену.

Тяготили их страх и спешка,

когда явились они в Траурную
Марку,
потому они завладели ей, хоть
и жили здесь отсталые дикари,
невежественные создания, что
были брошены на произвол
судьбы,
когда ушли их древние
повелители.

Круг света расширился, и стало
видно, что пока Ольтанир говорил, за его
спиной возникла живая картина. Однако
сам он не повернул головы, чтобы
взглянуть на нее — более того, казалось,
что он вовсе не может ею пошевелить.
Позади него стояла группа эльдаров,
разодетых в роскошные одежды, и их
возглавляла решительно выглядящая
воительница с блестящими черными
волосами. Гладкокожие лупоглазые
аборигены Траурной Марки преклоняли
перед ними колени, поднося ил
отполированные морские раковины и рыбу с
серебряной чешуей.

--- Б'Кви Цезара знала, что
делать с дикарями,
знала, как научить уважению.
Она построила крепость на их
крови и костях,
она украдала их телких божков
и научила поклоняться ей самой
вместо них.

Что-то ярко вспыхнуло, а когда
вспышка угасла, сцена уже изменилась.
Черноволосая воительница теперь стояла
на вершине горы из мертвых гладкокожих
тел, и Храдхири Ра возвышался за ее
плечом. Выжившие туземцы держались в
стороне от нее и престыкались на брюхе,
но не могли выйти за пределы круга света.
Свет охватил их мир и пленил их в себе
вместе с их тучительницей.

--- Много сонных эпох мой клан
провел в этом потаенном саду,
что создала Б'Кви.

Поколение за поколением жили
они в роскоши и неге, попирая

побежденных.

Клан процветал, разветвлялся,
разделялся по всем островам.

Лишь много поколений спустя
они снова собрались вместе,

Чтобы решить, кто станет
наследником, когда утерла
Б'Кви.

Сцена позади Ольтанира Цегары
изменилась: несколько эльдаров позировали
вокруг похоронных носилок, на которых
возлежала темноволосая воительница. На
каждом углу носилок покоился
звероголовый сосуд -- от этой маленькой
детали Ольтанир задрожал и отшатнулся
-- в ногах же стоял Храдхири Ра. Эльдары
выглядели аристократично и были богато
одемы, однако разглядывали друг друга с
очевидной враждебностью и плохонравным
скрытым презрением. Один из вихрей
сражений, бьющих за пределами живой
картины, беззвучно приблизился, и на сцену
прокрались другие Шуты Смерти. Эти
отпрыски смерти подошли и встали за

плечати у каждого из участников похорон,
как ухмыляющиеся тени.

--- Ку'изал Ёгара оказался
мудрейшим,
Первым он осознал, что
конфликт неминует, и первым
нанес удар.
Так жестокая хитрость
повергла его соперников посреди
Слияния,
и так завладел он наследством
Б'Кви.
Увы, не смог он в тот миг
уничтожить
все ветви и корни разрозненного
клана.

Тени в масках-черепах с ножами в
руках напали на эльдаров. Некоторые
жертвы погибли, другие сбежали, и вскоре
остался только один из аристократов,
алчно склонившийся над погребальными
носилками Б'Кви с хищной триумфальной
улыбкой на губах. Круг света внезапно

исчез, и микрокосм Ольтанира Цезары
растворился среди кувыркающихся бойцов,
сражающихся на общем фоне
повествования. Эльдары победоносно
наступали на крадущихся вестников
смерти, акробатически перескакивали
через их головы и теснили
отвратительные силуэты обратно в
тени. Ашантүрүс выступил вперед, чтобы
снова выступить рассказчиком.

--- Смерть была изгнана,
ее выгворили во тьму, откуда
она пришла.

Дети богов взглянули на свое
новое наследие
и обнаружили, что боги не так
часто появляются на их
стороне.

Наш род, уверенный в своем
новом могуществе,
начал поворачивать великое
колесо к своим собственным
целям.

Пока мастер труппы говорил, танцоры незаметно разделились на различные группы. Некоторые своими движениями чертили в воздухе легкие башины из света, другие стилизованно изображали исследователей или ораторов, другие изучали зал и бродили среди зрителей, взглядыываясь то в одного, то в другого, словно в какую-то незнакомую находку. Некоторые члены труппы продолжали танцевать как будто лишь ради самого танца, а другие музицировали, аккомпанируя им, просто ради удовольствия игры.

Через какое-то время из-за кулис снова появились Уша и Керноус и начали двигаться от одной группы к другой. Но всякий раз на них не обращали внимания. Теперь боги были, очевидно, незримы и неслышны для своих детей. Уша плакала, Керноус пытался успокоить ее, но тщетно. Когда скорбящие боги ушли со сцены, снова появился Ольтанир Ёгара в том же кругу сияния. Непринужденная грация, продемонстрированная Цилей и Ло'мосом, сделала его еще более неуклюжим и

неленым по сравнению с ними.

Пока Ольтанир говорил следующую строфу, по всему залу возникали миниатюрные картины и сразу же исчезали, едва их успевали увидеть. В каждой актеры изображали чью-то ужасную смерть: на одинокого путешественника набрасывались наемные убийцы, лорд в своем зале давился отравленным вином, двое возлюбленных заключали друг друга в страстные объятия, в то время как один обнажал клинок за спиной другого, чья-то фигура, хватаясь за воздух, падала из высокого окна, и еще много, много иных.

--- Так все и шло,
кровь требовала крови,
вендетта порождала вендетту,
пока не осталось одно лишь
потомство Ку'изала.

Но слишком мало осталось тех,
кто выжил,
чтоб насладиться победой.
Дом Узгара стал уталаться,
и время подтачивало его, как

море точит утес.

Сцены насилия мелькнули в последний раз и прекратились, оставив Ольтанира одиноко стоять в кругу света. Вокруг границы круга толпились гладкокожие, луноглазые тугельцы с непроницаемыми лицами и наблюдали за ним, и будто по волшебству их количество медленно, но неотлито становилось все больше. Теперь казалось, что Ольтанир заключен в этом свете, что он заперт внутри сужающегося круга.

— Ку'изал увидел, что за конец их ждет, и что он уже неминует.

Дальновидный, как прежде, он первым все понял.

Среди Оникса он испустил свой последний вздох,

все вокруг окутав огнем и разрушением.

Никто не оплакал его тщетную жертву.

И проклял в конце он руины,
которые создал.

Позади Ольтанира некая одинокая
фигура прошла по коридору в чернильную
тьму. Прежде чем она полностью исчезла
из виду, позади нее возникла занавесь огня.
Раздался хриплый надрывный вопль, а
потом полностью исчез за грохотом
катней и треском пламени. Над залом
повисла тишина, Ольтанир, судя по виду,
дышал с трудом. Мгновения
растягивались в долгие секунды, пока,
наконец, чей-то новый голос не побудил его
продолжить историю. Это был веселый
голос, как будто смеющийся над этим
трагичным рассказом.

— Так значит, нужна тебе
помощь?

Ты хочешь грузей обрести?

Так быстро в портал,
устрется туда,

Где все это можно найти!

Ольтанир затормозил, увидев невысокую серую фигуру, которая протиснулась между гладкокожими аборигенами и вторглась в его таленкий световой круг. Пестрый широко ухмыльнулся ему и поклонился, жестом приглашая последнего Цезаря продолжить свое повествование. Ольтанир нервно облизнул губы и кивнул.

--- Некогда Б'Кви заперла порталы, но с уходом Ку'изала засияли новые знамена.

Никто не мог понять, что нужно делать, кроме меня.

Медленная смерть и полное вытирание или вмешательство большей силы ---

я выбрал второе и тщательно собрал все свои знания.

Я отправился в вечный город, чтобы продать свои секреты за желание моего сердца.

Ольтанир говорил с неубедительной бравадой, как будто он был героем в этом

произведении. Однако позади последнего
Цезары двизалось его карикатурное
подобие -- в данном случае искусно
изображаемое Лотосом -- и выдавало ложь
в его словах посредством своих действий.
Этот ложный Ольтанир крался вперед,
как вор в ночи, подслушивая у заточных
скважин, заглядывая в окна, роясь в кучах
обломков в позабытых комнатах. В конце
концов крадущаяся и пресыщающаяся
фигура превратилась в силуэт возле
таинственного портала, а потом исчезла.

Зрителям теперь казалось, что они
больше не в душном зале Гробницы Ветров.
Горизонт отдалился и покрылся острыми
как бритва шпилями и шипастыми
башнями. Высоко над ними медленно
проплывали полупрозрачные отравленные
солнца, проливая мертвенный свет на
темный ландшафт внизу. На заднем плане
Ольтанир уже стоял на коленях перед
собранием бледнокожих высокородных
комторритов в черных доспехах. Цезарь
спрятал лицо в руках, поэтому Пестрый
заговорил снова, ясным голосом, густо
насыщенным иронией.

--- Радости нету от этих
грузей,
И помощи даже не жди.
Лишь раз ты слабость им
показал ---
Они придут как враги.

Котморриты жестоко ухмылялись и с очевидным удовольствием угрожали угрожающему Цезарю. Они толкали и тянули его съездившееся тело между собой, временами перебраниваясь, словно стая стервятников, дерущихся из-за лакомого куска падали. Мало-помалу котморритами, похоже, надоело это развлечение, и они постепенно разошлись, пока не остался только один. У этого одинокого аристократа были острые, хищные черты, лик никого иного, как Лорда-Сороконута --- Вайла Меншаса.

Фон из шпилей беззвучно раскололся на куски на глазах у зрителей. Обломки разлетелись в стороны и собрались в новую сцену, в то время как фигуры Вайла и Ольтанира остались неподвижны. Теперь

они стояли на изрезанном побережье Траурной Марки, а на заднем плане маршировали скрытые тенью ряды комморритских воинов. Пестрый заговорил снова:

— Не для помощи, не для
защиты,
Но чтоб слабым мирком
завладеть,
Лорд простер свои темные
крылья.
Марка пала, и с ним пришла
смерть.

Ольтанир вскочил на ноги, его лицо налилось краской, а глаза заполнились слезами. Он дико озирался, как будто ища выход, чтобы сбежать, но ничего не видел. Внезапно сцена взорвалась какофонией причитающих, кричащих и утolahющих голосов. Говорящие были невидимы, но Ольтанир, очевидно, понял, кто они такие. Это был весь его клан, все его родственники до последнего, которых

уничтожали палачи Лорда-Сороконута. Ольтанир зажал уши руками, но голоса продолжали резонировать в его голове. Он совершенно забыл о представлении, об арлекинах и даже Вайле Меншасе. Пока последний Цегара пошатывался от ужаса, Пестрый быстро выступил вперед и продолжил говорить:

--- От корней до веток
Целый клан был выжжен.
Лишь один наследник
Не расстался с жизнью.
Предал все, что знал он,
Все, чем дорожил,
Только чтоб остаться
В бойне той живым.

Видение Траурной Марки и войск Вайла растаяло в воздухе. Остался только Ольтанир, который трясся посреди темноты, и долгое время никто ни говорил, ни шевелился. Потом сквозь стены ворвался жаркий ветер, принес с собой запах горелого. Вдали разгорелось

красное платье, озарив тусклым светом
отрагательную фигуру. Ольтанир сразу
узнал в ней труп Ку'изала Ёгара, каким
его нашли после пожара в Онисовом
флигеле. Это было лишенное глаз,
почерневшее тело, с обожженных костей
которого свисали обуглившиеся лохмотья
плоти. Ужасное наваждение обвиняюще
указало пальцем на Ольтанира и нараспев
проговорило сухим бесстрастным голосом:

— Последний из нас, последним
утрешь.

Ты проклят навеки и делом и
словом,

Сей приговор, ничетный ты
нес,

Себялюбцам да станет вечным
уроком.

Может быть, разум Ольтанира
раскололся именно в этот момент. Цилия
уже заметила, что его рассудок был
хрупок и держался лишь на самообмане и
гордости. Последний член клана Ёгара

зашагался в крүге света, бессвязно
забормотал, а затем метнулся к выходу в
Слияние, налетая на декорации и
зрителей, как слепой. Отовсюду на него
сердито кричали, пока он ошүпью не
выбрался из зала. Слүги старого клана
Цегара теперь понимали, почему их жизни
так легко оказались под владычеством
Комморры, и ненавидели Ольтанира за
предательство. Последнего Цегарү
проклинали и поносили, пока он не исчез из
виду. Его вопли отчаяния, доносящиеся до
зала, становились все тише и тише, пока
вдүг не оборвались.

Светильники Янтарного зала
медленно разгорались заново, и, наконец,
зрители стали видеть достаточно,
чтобы начать изүмленно переглядываться.
Кассаис повернулся к Вайлү и обнаружил,
что чувствует необъяснимое облегчение
от того, что Лорг-Сороконүт нигүда не
подевался. Все следы арлекинов, хора,
танцоров, декораций и реквизита исчезли.
Сүдя по всему, представление -- или, по
крайней мере, его первый акт --
завершилось, и теперь, как после

сновидения, казалось неясно, произошло ли оно вообще или нет.

--- Верно ли они изобразили события? --- спросил Кассаис. Вайл приподнял брови и поковырял какое-то блюдо, прежде чем соизволить ответить.

--- То, как жаба явилась в Колморру? --- Да, пожалуй, до известной степени, --- признал Лорг-Сороконут. --- Хотя мы не совсем так с ним обошлись. Вект должен был сказать последнее слово по поводу того, кто получит выгоду от нового доступного субцарства, а мне надо было просто доказать, что я самый верный и способный из архонтов, которым можно доверить контроль над ним.

--- Я бы с удовольствием услышал, как тебе это удалось, --- протурлыкал Кассаис. --- Нашему возлюбленному Верховному Властелину, как известно, нелегко угодить.

--- Ты можешь прожить несколько жизней и так и не причаститься к этой информации, --- отрезал Вайл.

--- Не пойму, то ли Цезарь действительно сошел с ума, --- вслух

подумал Кассиус, -- то ли это была просто
часть представления?

Глава седьмая

Второй банкет

+Значит, провал.+

+Нет, успех. Теперь мы знаем, что Ольтанир Цезара -- не тот, кого мы ищем.+

+Должны ли мы слепо продолжать, пока не наткнемся на ответ?+

+Возрадуйтесь! Мы будем просто заниматься своим искусством, и оно само по себе предаст злодея правосудию.+

+Вне зависимости от сопутствующего ущерба?+

+Случайное правосудие также может попутно падать на головы других виновных, это правда.+

+Не будем проливать по ним слезы. Я полагаю, в этом отношении мы служим некой высшей силе.+

+Ну, не так кисло! Ты что, не видишь юмора в этой ситуации?+

На следующее утро Кассаис нашел

Вайла на крепостной стене. После вчерашней грозы ее старые камни были погнетены ветром и мокры от дождя, но, посидев взаперти в пахнущем плесенью замке с его монохромными залами, Кассаус был рад найти здесь свежий воздух. Перспектива провести целую неделю в Гробнице Ветров уже начинала казаться некоей неприятно опосредованной формой пытки.

Вайл стоял с глинооствольной осколочной винтовкой в руках и целился во что-то внизу, в лесу. Приближаясь, Кассаус услышал пронзительный треск выстрела, а затем Вайл выругался, шипя, словно джиринкс. Вудито, протяхнулся.

--- Не повезло, --- гружески утешил его Кассаус. --- Дашь мне попробовать?

Вайл повернулся и угрюмо посмотрел на него, но стягчился и с очевидным отвращением сунул ему осколочную винтовку.

--- Вперед, --- сказал Лорг-Сороконут. --- Посмотрим, в чем проблема --- в винтовке или во мне.

Кассаус пожал плечами и принял

винтовку. Это было прекрасное оружие явно котморритского производства. Тонкие желобки на стволе и микроскопическая филигранная обработка рукоятей напугала Кассаусу изделия с улицы Ножей. На самом деле ее мог изготовить любой из нескольких тысяч оружейников Котморры, которые служили высшим эшелонам города. Это была охотничья винтовка с удлиненным стволом, амортизированным прикладом и мультиспектральным оптическим прицелом. Кассаус отработанным движением приложил ее к плечу и начал всматриваться в кромку леса.

То, что он увидел, заставило его снова опустить оружие, чтобы убедиться собственными глазами. За подстриженной травой газона рядом с крепостью простирался лес, и его зеленые кроны покачивались на порывистом ветру. Вчера он казался древним и недвижимым, но теперь вся эта чертова масса как будто двигалась подобно медлительному зеленому морю.

Однако не это удивило Кассауса. Но

всей крошке леса он видел большеглазые
лица, которые таращились на него в
ответ, и гладкие тела туземцев,
рассевшихся группами между толстыми
стволами деревьев. На виду было несколько
домов, а за пределами видимости, в лесу
могла скрываться целая армия. Те, кого он
видел, вели себя не агрессивно, даже более,
они почти не шевелились. Все просто
выжидаяще и пристально глядели на
крепость.

Кассаус поднял винтовку к плечу и
навел ее на одну из торг под деревьями.
Прицел отреагировал на движения
крошечных глазных мышц и стал
увеличивать изображение, пока отметка
целеуказателя не остановилась точно
между выпученными немигающими
глазами существа. Каким бы токсином не
были снаряжены боеприпасы к винтовке
Вайла, они наверняка были достаточно
стертоносны, чтобы убить, даже нанеся
мельчайшую царапину, но Кассаус был
фанатом точности, даже — или, скорее,
особенно — когда она не была необходима.
Он хотел попасть в голову.

Когда он убедился, что винтовка не может не попасть в назначенную цель, то прикоснулся к кнопке активации и почувствовал едва заметный толчок отдачи. В тот же самый миг абориген, сидевший вдалеке, необъяснимым образом пригнулся, исчезнув из виду. Сверхскоростной осколок, выпущенный винтовкой, долетел до назначенного места долей секунды позже. Кассаус выругался с той же злобой, что и Вайл незадолго до него.

--- Проблема в винтовке, --- с отвращением заключил Кассаус и бросил оружие обратно Вайлу. --- Должно быть, центровка нарушена.

--- Я так и думал, что ты это скажешь, --- холодно отозвался Лорд Сорокопут.

--- Что случилось с жабой? Я ожидал, что к этому времени он уже будет здесь, преданно лебезить перед тобой.

--- Цегара исчез, --- без интереса ответил Вайл, снова приложив винтовку к плечу и взглядываясь в кромку леса. --- Мои стражники его ищут, уже нашли кровь, но

я сомневаюсь, что они еще что-то обнаружат. Думаю, рабы Цезары уже убили его и избавились от тела.

Кассаус улыбнулся. В Колморре смерть от рук собственных рабов считалась признаком того, что убитый опустился на самое дно слабости и некомпетентности. Такое событие обыкновенно приветствовалось как долгожданное очищение генофонда. Этот исход был неувидителен, учитывая откровения на вчерашнем банкете, но от него можно было ожидать большего. Кассаус с нетерпением предвкушал, когда же наконец Вайл перестанет походить издеваться над Ольтаниром Цезарой и перейдет к каким-нибудь серьезным попыткам. В последнем Цезаре было нечто наивное и непорочное, что Кассаус страстно желал увидеть сломанным. Теперь ему отказали в этом удовольствии, и он чувствовал себя в какой-то мере обманутым.

— Надо созвать всех подозреваемых вместе и допросить их, — задумчиво сказал Кассаус. — И прихватить еще

несколько этих пучеглазых снаружи -- я уверен, они тут как-то замешаны.

-- Я уверен, тебе бы это понравилось, Кассаус, -- раздраженно ответил Вайл, -- но мои ресурсы не бесконечны. Эти туземцы пелятся на нас именно для того, чтобы выманить нас из крепости. Они, определенно, достаточно хорошо знают наши склонности, чтобы ими пользоваться.

-- Должен признать, мне начинает казаться, что гостить у тебя совсем невесело, -- пожаловался Кассаус, когда Вайл снова встотрелся в прицел. -- Можно было хотя бы поднять сюда несколько орудий и поджечь лес...

То, как напрягся Лорг-Сороконут, заставило Кассауса быстро повернуться и с некоторой тревогой остотреть деревья. От резкого движения в плече вспыхнула боль, напоминая Кассаусу, что раны от встречи с реззиком еще не полностью зажили. Кассаус поглядел на лес и не увидел никаких перемен. Туземцы все еще сидели там, единственные неподвижные элементы на постоянно шевелящемся

зеленом фоне. Деревья, трава, небо.

Когда он повернулся, чтобы спросить Вайла, что тот увидел, то уловил краем глаза слабое отдаленное мелькание чего-то белого. Он вовремя обернулся, чтобы увидеть, как бледная, подозрительно напуганная кошка тень скользнула меж деревьев.

— Он все еще там, — мрачно кивнул Вайл. — Теперь, когда он попробовал твоего мяса, ему наверняка хочется того, что осталось...

— О, очень смешно, — скривился Кассандра и потер шею. Ему захотелось побыстрее сменить тему на что-то менее неприятное. — Как ты думаешь, вернутся ли сегодня арлекины после того, как их в первый раз приняли столь безвкусным образом?

— Готов поспорить на твою жизнь, что вернутся, — проворчал Вайл. — Они предупредили Цезаря об опасностях, и он все равно пошел. Что касается выступления, то арлекины, наверное, трактуют сумасшествие одного из участников как бурный успех. Они ведь, в

конце концов, говорят, что цель представления -- вызвать сильные эмоции. Наверное, тебе бы лучше отдохнуть и собраться с силами.

-- Ну нет, Цезарь был слаб, а я нет, -- возразил Кассиус, следуя за Вайлом обратно внутрь. -- Чтобы лишить меня рассудка, понадобится больше, чем постановочные призраки и провинциальная телограма.

-- Не сомневаюсь, и я буду иметь это в виду на сегодняшнем банкете. Я до последнего мгновения не буду говорить, в каком зале мы будем пировать, чтобы эти негодяи не смогли снова подсмотреть костюмы под цвет стен. Пора и мне научиться агантироваться.

Сидящие в кронах деревьев Ашантүрүс, Цилия, Ло'тос, Храгхири Ра и Пестрый наблюдали, как фигуры Кассиуса и Лорда-Сороконүта исчезают в нависающей вдали громаде крепости Гробница Ветров. Цилия тихо вздохнула, расслабляясь после того, как она, просчитав направление очередного

выстрела, всякий раз побуждала
намеченную жертву отклониться.

--- Случайный выбор сцены может
сделать все значительно труднее, ---
выразил мнение Пестрый. --- Я сам большой
любитель импровизации, но всегда
приятно, когда можно положиться на
готовый план.

--- Разницы не будет, --- равнодушно
отрезал Ашантүрүс.

--- Заставить Кассауса,
метафорически выражаясь, излить нам
душу будет несложно, --- прошептал
Храдхири Ра. --- Он воин и любит
бахвалиться. А вот добратся до его души,
в буквальном смысле, будет труднее.

--- Пфф, чепуха и прочий нонсенс! ---
воскликнул Пестрый. --- Я думаю, что могу
сказать, не опускаясь до лести: я вполне
уверен в том, что ты сможешь это
сделать.

--- Ты слишком спешешь отвергнуть
сомнения Храдхири, --- напряженным
голосом ответил Ашантүрүс. --- Извлечь из
разума Ольтанира Цегары историю всей
его жизни, а потом интерпретировать ее,

Не дав ему это заметить -- это был не
трюк, с каким выступают в гостиных. Я
уже утомлен и чувствую, что Цилия и
Ло'мос устали еще больше, чем я.

-- Не надо давать мне поблажек, --
твердо сказала Цилия. -- Видимо, меня не
так легко затмить, как нашего Короля-
Солнце.

Ло'мос наклонил голову и заскулил, а
потом перекатился на спину, подставив
Цилии живот. Когда та устояла его
щекотки, Мастер-тим живо подскочил и
начал быстро скакать с ветки на ветку,
цепляясь руками, словно мощий примат.
Ашантүрүса, судя по виду, не тронули эти
проделки.

-- Отважные слова, моя Королева-
Луна, и все же я знаю тебя лучше, чем ты
знаешь себя. Мы едва преодолели треть
пути этого Маскарага, и я боюсь, что
нашей трюнке не хватит умения, чтобы
его завершить.

-- Но мы должны набраться отваги,
Ашантүрүс. Все представления и
Маскарады, которые мы устраиваем в
иных обстоятельствах -- просто

репетиции для подобных случаев. Бывают
времена, когда Цезорах действительно
подвергает наше искусство испытаниям,
потому что мы должны выступить, что
бы ни случилось.

Если слова Провидицы Теней и
убедили Ашантүрүса, то он не погал виду.
Высший Аватар обратил мрачный взгляд
ухмыляющейся маски к крепости и стал
молча ждать наступления ночи.

Глава восьмая

Аногей /

Приснопамятная победа

Слияние было набито битком. Многих гостей Вайла оттеснили в вестибюль, дожидаться, пока он решит, где провести банкет этой ночью. Вайл Меншас стоял в центре восьмиугольного зала Слияния, очевидно, глубоко погруженный в раздумья. Его окружали ряды стражников и рабов с металлическими блюдами, узорчатыми подносами и толстобрюхити сунницами, выпускающими вкусно пахнущий пар. Они ждали уже больше часа.

Кассаус благоразумно держался в стороне, пытаясь понять, чего хочет его кузен. Это была одна из маленьких проверок, которые любил устраивать Вайл, и все присутствующие это знали. Кто будет достаточно безрассуден, чтобы попытаться подтолкнуть своего архонта

к решению? Кассаис почти чувствовал, как все остальные безмолвно жаждут, чтобы он что-то сказал. Больше ни у кого не хватило бы на это духу. Линия плеча Лорда-Сороконоута и глинный меч с витым эфесом, висящий на его бедре, подразумевают определенный уровень опасности, который для Кассаиса был достаточен, чтобы придерживать язык и ждуть вместе с остальными.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем Вайл наконец поднял глаза и обвел взглядом выжидающие лица вокруг себя. Тяжелый взор Лорда-Сороконоута упал на престарелого слугу, который был чуть лучше одет по сравнению с другими, с высоким воротником и глинными заостренными башмаками.

— Ты. Ты был у Цегар каким-нибудь тажоргом, камергером или еще какой ерундой, не так ли?

— Да, имел честь, милорд, — жалобным голосом ответил старец. — Я служил пяти поколениям клана, сначала как стражник, потом как писец и в конце концов как эконом. Если я могу

предложить какую-либо помощь или поделиться знанием, которое пригодилось бы вашей светлости, то я готов выслушать ваши приказы.

— Ты можешь помочь мне тем, что заткнешься и утрешь, дряхлый болтун, — презрительно устехнулся Вайл, медленно извлекая свой клинок. Старый эконом удивленно заморгал, а потом взвыл от страха, когда Лорг-Сороконут, не говоря более ни слова, резанул его по груди. Ряды слуг позади эконома что есть сил ринулись в стороны, сопровождая безстволязгом падающих подносов и звоном столовой утвари.

Вайл не обратил внимания на эту бесконечную какофонию: он преследовал старого прислужника, шагая по скользким кучам оброненной еды. Гости Вайла, находившиеся достаточно далеко, чтоб их не задело в схватке, улыбались и тянули шеи, чтобы с голодом в глазах понаблюдать за его жестокостью. Те, что были ближе, включая Кассауса, вели себя осторожнее и старались не попасться под орудия из убийственных ударов Лорда-

Сороконута.

Вайл утело атаковал так, чтобы проглотить агонию своей жертвы, нанося колющие и режущие удары в конечности, где не было крупных вен или артерий. Старик пытался уковылять то туда, то сюда, чтобы спастись от жалящей и пронзающей боли, но лорд продолжал безжалостно кружить вокруг обреченного. Наконец, эконол поскользнулся в собственной крови и упал на колени. Но милосердия он не дождался — Вайл рубил его снова и снова.

Задыхаясь, старик начал отползать к одному из входов в Слияние, повинувшись отчаянному, животному инстинкту бегства. Вайл следовал за ним неторопливым шагом, время от времени останавливаясь над расprostертым телом и снова тыча в него клинком, когда его движения затедрялись, словно у изношенного часового механизма. В конце концов, эконол согрознулся и перестал шевелиться. Через миг Вайл поднял взгляд на вход, который теперь возвышался перед ним. Его взгляду предстали высокие двери.

инкрустированные изумрудом, хризолитом и нефритом. Он удовлетворенно кивнул.

— Будет есть здесь, — проговорил Лорг-Сороконут, распахнул двери и вошел внутрь.

Кассаус быстро шагнул следом, чтобы догнать его, а стражники и слуги остались позади, чтобы разобратся с хаосом, созданным несвоевременным приступом кровожадности Вайла.

Зал за дверями был окрашен в тысячу различных оттенков зеленого цвета. Нефритовые камни, которыми был вытощен пол, имели вставки из оливина и зеленого агата, вдоль обеих стен рядами шли отполированные колонны из темно-зеленого обсидиана. Крышу пронизывали розетки из бледно-зеленоватого хрустала, и на сквозняке, возникшем от открытых дверей, лениво закачались раздвоенные, как хвосты ласточек, знамена из изумрудного шелка.

— Забавный способ сделать выбор, — беззаботно заметил Кассаус, — хотя и немного неопрятный.

— Зубы демона, какая скукота, —

проворчал Лорг-Сороконут. --- Мне сложно было представить, что это место может быть хуже, чем предыдущее. Но так оно и есть.

За нити внутрь потянулись вереницы рабов, несущих уцелевшее съестное. Послышались отдаленные вопли их менее удачливых собратьев которых кнутами загоняли обратно в кухни и кладовые под Слиянием, чтобы они взяли блюда на замену погибшим. В Узтрудном зале не было подходящего пиршественного стола, поэтому из соседних комнат принесли мебель и начали торопливо и беспорядочно расставлять ее по местам.

Внимание Вайла привлек трон на когтистых лапах из позеленевшей бронзы. Он заставил слуг соорудить импровизированный помост и водрузить на него трон, после чего угрюмо уселся туда. Кассаис завладел креслом с высокой спинкой и разместился поблизости. В зал следом за изможденными рабами входили все новые гости и стражники. Они настороженно озирались и старались занять места не слишком близко к своему

хозяину и господину, но и не так далеко, чтоб это выглядело дерзостью. Кассауса, с другой стороны, развлекали их ужимки. Он рассудил, что кровопролитие и продолжающийся хаос должны были несколько развеять мрачное настроение Лорда-Сороконута, так что решился снова заговорить с ним.

--- Почему бы просто не сжечь это место дотла, если оно так оскорбляет твои чувства? --- невинно поинтересовался он.

--- Есть сто дел куда важнее, чем дизайн интерьера, --- фыркнул Вайл. --- Именно из-за такой истерической чущи Цегары и утратили свое наследие.

Кассаус пожал плечами.

--- Я просто хотел сказать, что если оно тебе не нравится, мы можем предложить быстрое решение этой проблемы.

Вайл наградил Кассауса свирепой ухмылкой.

--- Ты всегда готов насладиться насилем ради насилия, а, Кассаус? Посмотрим, как все сложится после этого

вечера, и, может быть, твое желание исполнится.

Когда гости и стражники разошлись по залу, Кассаус увидел, что пророчество Вайла исполнилось. Разнообразные костюмы присутствующих хаотично контрастировали с обстановкой Изумрудного зала. Уже не было такого приглушенного единства, как прошлой ночью, скорее, эта разношерстная компания напоминала банду пиратов, оказавшихся на дне морском и рассеявшихся на обломках кораблекрушения. Когда все заняли свои места, Вайл взял кубок и отпил, подав знак, что остальные тоже могут предаться пиршеству. Напряженная атмосфера слегка ослабела, и на заднем плане заиграла тихая музыка, чтобы прикрыть любые неловкие паузы в беседах гостей.

— Как ты думаешь, когда придут наши другие гости? — спросил Кассаус.

— А кто сказал, что их тут нет? — ответил ему в ухо веселый голос.

Кассаус повернулся, еще раз болезненно потянув раненое плечо, и увидел

арлекина, которого называли Пестрым. Тот стоял так близко, что до него можно было дотронуться. Невысокая фигура в черно-белых ромбах и маске-гомино нелепо опиралась на глиняный золотой посох, который казался слишком большим для нее. Кассаус запоздало понял, что на вчерашнем представлении этот самый посох использовал Ашантүрүс.

— Где ваш предводитель? — резко спросил Вайл. — Я привык иметь дела с хозяевами, а не их мимьонами.

Пестрый самодовольно устехнулся и не стал сразу отвечать Лордү-Сороконүтү, вместо этого обратившись к Кассаусу:

— Ты готов к сегодняшнему выступлению? Все еще хочешь принять участие? Все еще способен это сделать?

Кассаус бросил взгляд на Вайла и кивнул.

— Но сначала скажи, что случилось с Ольтаниром Ёзгарой после представления прошлой ночью? Готов поспорить, вам-то известно, что с ним произошло.

Пестрый нахмурился и озадаченно склонил голову набок.

— Почему это нам должно быть известно? Он сбежал из зала, и сразу после этого мы ушли. Он что, вроде как исчез? Нет более его в известном смертном мире?

— Похоже на то, — прогремел Вайл со своего темно-зеленого трона, не желая, чтоб его игнорировали. — Ты сломал его хрупкий разум, арлекин, а я тщательно старался этого не делать. С твоей стороны было очень неосторожно испортить моего раба.

Нестрый поклонился в пояс, при этом золотой посох в его руке угрожающе зашатался, и разразился глинной речью:

— Мы приносим свои извинения, однако я уверен, что могу безошибочно припомнить, как Ашантүрүс не один, но несколько раз предупреждал об опасностях именно такой природы. Быть может, это будет несколько дерзко с моей стороны, но я скажу — если, будучи хозяином раба, в свете подобных предостережений, вы позволили его выступлению продолжаться, тогда ответственность за его полонку, несомненно, должна пасть на вас? Как я

понимаю, раб обыкновенно освобождается от такого тяжкого бремени, как собственные решения и право выбора.

--- Ты слишком много говоришь, --- с опасной улыбкой сказал Вайл. --- Как будто слова защитят тебя, если навалить их достаточно высокой кучей. Я могу заверить тебя, что это не так.

--- Принято к сведению, мой господин, --- печально сказал Пестрый. Натяннутая веселость ответа, очевидно, причиняла ему боль.

--- Так продолжай, Кассаус уже сказал, что готов. Ты заставляешь меня ждать, а это всегда не лучшее решение.

Пестрый пожал плечами, поднял золотой посох и ударил им по нефритовым плитам под ногами. Эфирная ударная волна прошла по банкетному залу, отчего гости удивленно ахнули. Стены Изумрудного флигеля зарябили, словно в жарком масле, а потолок словно вознесся на невероятную высоту. Кассаус постотрел вверх, и ему показалось, что он видит ночное небо, усыпанное звездами. На глазах у него звезды начали становиться

арче и опускаться, образуя сияющие
силуэты, величественно проплывающие по
воздуху.

Кассаис улыбнулся пантомиме
арлекинов. Должно быть, они попрятались
по дальним уголкам зала и безмолвно
ждали, пока Вайл и его свита не войдут.
Это значило, что Лорд-Сороконог и все
время подыгрывал. Он глянул на Вайла,
ища подтверждения, но лицо хозяина было
столь же неподвижным, как у статуи.

Силуэты были окутаны
многоцветным свечением и принимали
позы, которые лифы и легенды
ассоциировали с древними эльдарскими
богатами — охотник, кузнец, дева, старуха,
воин. Пестрый начал говорить, называя
имена богов, как это ночью ранее делал
Ашантүрүс. Голос Пестрого был выше и
быстрее, чем у мастера труппы,
говорившего ровным речитативом, но в
нем было приятное тепло, которого
недоставало его предшественнику.

--- Великий Азүриан и его
возлюбленная Гуа,
мудрый Хоэк и Цегорах-обманщик,

гальновидная Лилеат, смертоносный
Кхейн,
трудолюбивый Ваул, старуха Морай-
Хег...

и двое, что любили нас больше всех,
двое, от которых мы пошли:
Уша, мать урожая, и Керноус-
охотник.

Когда назывались имена, каждый из
арлекинов, играющих различных божеств,
срывался с места и начинал кружить и
парить над головами зрителей. Их
движения стали более акробатическими
по сравнению с вчерашним
представлением. Они часто слетались
вместе, брались за руки и вращались
подобно двойным звездам, фантастически
кувыркаясь и изгибаясь вокруг общего
центра массы. Боги тчались над
аудиторией, проносясь от одного конца
зала к другому, очевидно, полностью
поглощенные своими сложными
взаимодействиями. Все это вместе
выглядело, как чудесный, искрометный
гобелен.

Кассаус видел не богов, но эльдаров.

снабженных голополями и гравипоясами. Он много раз наблюдал, как используют оба типа этих устройств, но куда чаще это были вещи, созданные, чтобы запугивать и разрушать, а не для простых развлечений и спектаклей. Некоторым гладиаторам-ведьмам нравились гравипояса, которые помогали совершенствовать их захватывающий, акробатический стиль боя, в то время как другие избегали их, считая, что эти устройства мешают добиться по настоящему художественного владения клинком. Кассаис понял, что ему интересно, каковы арлекины в бою — репутацию-то они себе выработали, несомненно, пугающую.

Две из мерцающих воздушных фигур часто ныряли и зависали над Лордом Сорокопутот и ближайшими к нему гостями. Маски Керноуса и Уши с добротой взирали на эльдаров, пролетая над их головами. Похоже, им было приятно наблюдать за тем, чем занимались мертвые. После паузы, во время которой Уша наблюдала за отдаленными

движениями других богов, она спустилась еще ниже и начала петь. В песне не было слов, но она ощущалась как чистые потоки эмоций, которые вибрировали по нервам слушателей и эхом отдавались в их разумах. Это была песнь о любви и развитии, о том, как мать желает процветания своим потомкам.

Даже острые хищные черты Вайла Меншаса немного сгладились, пока он слушал песнь Уши. Кассаус, который, как и подобало вернорожденному колморриту, никогда не знал бескорыстной любви, впервые в жизни почувствовал отдаленное представление о том, что это значит — быть нежно любимым. Он обнаружил, что встал, хотя его и не приглашали. Кресло с высокой спинкой упало позади него, но он не обратил внимания. Он загорелся страстным желанием поведать о своих подвигах, рассказать историю, которая впечатлила бы богиню, парящую перед ним, доказала бы ей, на что он способен.

— Я расскажу тебе о богатом урожае, который я однажды снял, о великая богиня! — с готовностью вскричал Кассаус. — Это

эпическое повествование, местами ужасное, местами воодушевляющее, но со счастливым концом, по крайней мере, для меня!

Зрители, предвкушающие рассказ, одобрительно устехались, и он начал готовиться к своей задаче. Кассиус ощутил чье-то присутствие рядом, и понял, что к нему подскочил Пестрый. Огромный золотой посох в руках арлекина пьяно покачивался, как лачуга во время шторма. Пестрый заговорил еще быстрее, чем прежде, слова практически спотыкались друг о друга. Как будто он отчаянно пытался вставить свой текст, пока Кассиус еще чего-нибудь не сказал.

— В это время триумфа услышьте же рассказ о хитрости, удали и настойчивости из более поздней эпохи. Услышьте о том, кто странствовал меж звездами и вернулся, чтобы поведать свою историю. Вслушайтесь в его слова и спросите себя, поступили бы вы иначе!

Кассиус широко ухмыльнулся при мысли, что ему удалось внести сумятицу в выступление арлекина, вступив в

представление слишком рано. Отлично, пусть суетятся вокруг него. Только потом до него дошло, что поспешное шаблонное вступление Пестрого прозвучало как шутка -- шутка, сделанная за счет Кассаса. Он сурово остотрелся в поисках маленького клоуна, но Пестрый уже ускользнул туда, где до него было не добраться, и золотой посох по-прежнему нелено болтался у него над головой. Вниманию Кассаса снова привлекла песня Уши, и мгновенное раздражение было забыто.

-- Мы плыли по эфиру, три корабля шли бок о бок, копьями пронзая черноту, -- воззвал Кассас к Уше. -- Мы отправились в путешествие, чтобы набрать там и здесь нежного деликатесов, рабов и развлечений, прежде чем повернуть наши суда обратно к Колморре, к дому. Но потом нам попался приз, достойный того, чтоб за него побороться. Толстобрюхий, с блестящими боками, словно жирная золотая свинья, таков был этот корабль. Неуклюжий вьючный зверь, отправленный в плавание рабскими расами, он буквально

толлил, чтобы ты вонзили в него ножи.

За гладким плечом Уши начали приближаться сложные световые переплетения, образованные орбитами других богов. Кассаис видел, что скрытые масками лица богов все чаще поворачиваются к нему, судя по всему, с неодобрением. Ему не было до них дела, он был весь поглощен вниманием прекрасной Уши и не желал ничего иного, кроме как продолжать повествование о своем пиратстве.

— Корабль охраняли два сторожевых пса, столь ценным был его груз. Они были тощими и серыми, как зима, но им было не сравниться с нашей мощной пушкой. Когда гончие отлетели, объятые пламенем, Акир Хелиак устретился на abordаж, чтобы стать первым, кто ступит на борт, но добыча вырвала брюхо его корабля нейтрониевыми клыками. Я и Дхорун из Разбитого Круга кусали ее за ноги и вырывали ей зубы, пока не смогли приблизиться с большей осторожностью. Мы преследовали ее, а она бездумно и тщетно убегала. Вскоре она была

вынуждена принять бой, и ты схватили ее, подобно нежеланному любовнику. Экипаж сражался, но они были детьми, просто-напросто младенцами, которыми дали оружие, по сравнению с нашими могучими клинками. Палубы покраснели от крови... и крики! О! Какое эхо от криков стояло в тесных металлических коридорах этой свинотатки! Убивая, мы творили такую музыку, что некоторые из тех, с кем мы билась, сошли с ума от этих звуков. Я...

Рассказ Кассауса был прерван гигантским клинком из сверкающего пламени, который пронесся между ним и парящей лунной богиней. Частью разума он понимал, что это должна быть еще одна арлекинская иллюзия, световая, если судить по виду того, что мелькнуло перед его глазами. Но к этому времени Кассаус уже был тщательно опутан психическими плетениями Цилии и ее хора Провидцев Теней. Также в его ноздри проник едва заметный, экзотически пряный газ-галлюциноген, поэтому он слышал, как падает клинок, и чувствовал его жар на своей коже.

Кассаис отскочил, поднял взгляд и увидел бронированный шлем Кхейна, бога войны, который свирепо взирал на него поверх своего клинка. При всей своей браваде Кассаис дрогнул в тот миг, как любой смертный дрогнул бы пред ликом бога. Но огненный меч убрался, и Кассаис снова посмотрел наверх, где увидел, как бог Керноус увещевает Кхейна, а тот смеется ему в лицо. Позади обоих виднелась Уша, что, часто оглядываясь, уплывала прочь, чтобы присоединиться к остальным богам. Кассаис почувствовал себя опустошенным.

--- Не печалься, --- прошептал ему в ухо Пестрый. --- Она ничего не может пожелать --- видишь, вон там, в центре всего, Азурриан, Король-Феникс. Он постановил, что боги больше не могут общаться со смертным племенем.

--- Но... почему? --- воскликнул Кассаис. --- Я едва только начал свой рассказ!

--- Тише, тише. Ты еще закончишь его, это я тебе обещаю, --- утешил Пестрый. --- Что же до вопроса «почему» --- видишь там, наверху, Деву рядом с Азуррианом? Это

Лилеат, она увидела сон, что в один день эльдары станут причиной уничтожения Кхейна. Услышав об этом, Кхейн поклялся полностью истребить расу эльдаров. Он стиснул зубы, только когда Уши взмолилась за нас Азүриану. Цена нашего выживания — то, что между богатыми и бедными больше не может быть никаких связей. А теперь смотри, что будет дальше.

Снова возникли великоленные переплетения света, образующие круговращением богов. Теперь они были, пожалуй, более стесненными и строгими, и определенно более отдаленными. Со временем пути Уши, ее возлюбленного Керноуса и Ваула стали чаще пересекаться. Не понимая, Кассаус наблюдал, как Ваул угалился и некоторое время бил молотом по наковальне, после чего вернулся и преподнес некий дар Уше. На следующем круге лунная богиня стала рассыпать по своим следам мерцающие огни, которые яркими снежинками падали вниз, разлетаясь ко всем эльдарам в зале.

Кассаус как замороженный смотрел на

огин из огоньков, который плавно поплыл к нему. Он почувствовал в приближающейся снежинке след присутствия Уши и протянул руку ладонью вверх, чтобы она туда опустилась. Огонек вспыхнул и исчез, и в его руке остался гладкий синий камень. Насколько он был теплым и казался как будто живым. Держа его, Кассаус чувствовал, как усиливается его связь с богиней. Вспыхнуло озарение, и он понял, что, пока он держал этот камень — который, как он знал, являлся одной из легендарных Слез Уши — богиня могла разговаривать с ним!

И что более важно, теперь он мог разговаривать с богиней. Кассаус немедленно вернулся к своей истории, чувствуя, что другие эльдары в зале тоже настроились на нее посредством собственных камней духа. Как будто он стоял на громадной сцене, где, кроме сияющего света глаз Уши, были огни только тени, и камень духа, теплый как плоть, лежал в его руке. Тихие перешептывания и приглушенные голоса намекали на присутствие зрителей где-то

за пределами видимости, но Кассандра не было до них никакого дела. Он снова погрузился в рассказ, как будто его и не прерывали.

— Мы загнали их в угол, моя божественная госпожа! Экипаж матки вскоре с визгом убежал по своим металлическим лабиринтам, и мы выслеживали их, как животных. Большей частью я сохранил жизнь — разумеется, оставив их на потом — и, когда я обнаружил то, что они везли в трюмах, у меня также появились к ним вопросы. Грузовые помещения просто стонали от веса сокровищ: драгоценных металлов и редкой древесины, полированных камней с тысячи различных миров, миллиона пигментов и красителей, ярчайших перьев, чешуи и раковин с другого конца пустоты. Это, конечно, был варварский клад, но он состоял из таких вещей, которые могли бы с превеликим успехом использовать достаточно умелые ремесленники и мастера. Тогда мы спросили команду, и под моим заботливым уходом они рассказали мне все, что я хотел знать.

Они поведали мне тайный пункт назначения этих товаров и описали необычных обитателей этого места. В тот же миг я понял, что должен отправиться туда, что на протяжении всей моей долгой жизни меня дожидалось именно это приключение. Единственная сложность состояла в том, что путешествие обещало быть невероятно длинным, а мы взяли запасов лишь на краткую вылазку, не одиссею. Хотя это было легко исправить, поглотив Дхоруна и его экипаж, прежде чем приступить...

Кассаус начал осознавать, что бог войны все чаще и чаще пролетает мимо него. Ярость во взоре Кхейна казалась почти осязаемой, как и восхитительное ощущение запретного деяния, которое совершал Кассаус, продолжая общаться с Ушей. Он снова заговорил, на сей раз быстрее, из-за зловещего предчувствия, что вскоре все изменится к худшему.

— Итак, я направил таран своего корабля в пустоту, и мы отправились на этот тайный мирок рабов. То, что я нашел, превзошло самые сумасбродные

мечты... Это было целое царство истово-
верующих ремесленников, которые и день и
ночь посвящали изготовлению икон своего
мертвого Бога-Императора. Дома были
сплошь покрыты угрюмыми
изображениями их разлагающегося
повелителя. На стенах были вырезаны
благочестивые прославления божества, на
каждом углу стояли выражающие
почтение статуэтки и памятные
триптихи. Там были склады, набитые
манускриптами, подробно описывающими
Его явления и деяния в нескончаемых
деталях. Это был один из тех редких и
драгоценных рабских анклавов, где слепая
вера в высшую силу висит на волоске,
готовая быть разрушенной за одну ночь.
Преподав несколько уроков на тему того,
кто теперь главный, я сказал этим
маленьким трудолюбивым рабам, что они
могут остаться в живых и продолжить
работу всей своей жизни, только если
будут подчиняться моей воле.

Уповедываясь Уше через камень духа,
Кассаис ясно видел ремесленников
внутренним взглядом. Ряды грязных,

уродливых, заплаканных лиц смотрели на него снизу вверх, пока они стояли на коленях в пыли того далекого мира. Они, конечно, не поверили ему, но думали, что стирание может спасти их семьи. Он улыбнулся при воспоминании, а потом ощутил настойчивый импульс из камня, который держал в руке, и поспешно продолжил:

— Тогда я заставил их работать, чтобы они переделали каждое хмурое лицо и каждую слезливую икону своего мира в нечто более приятное глазу. Я нещадно подгонял их, ибо оставалось не так много времени, прежде чем мы должны были улететь и вернуться в Комморру. Из-за этого многие рабы не пережили трудов, что досадно, ибо они превзошли самих себя. Они начали с того, что стали превращать сердитый лик своего Бога-Императора, где бы тот им ни попался, в подобие моего собственного прекрасного лица. Потом рабочие расползлись по всем описанным фонарным столбам и монолитным стенам и стали вытравливать и переписывать все, что было

написано на хоругвах и пергаментных свитках, скрывая правду и распространяя самую вопиющую ложь.

К этому времени Кассаус стаялся. Слезы веселья катились по его щекам, пока он вспоминал муки, причиненные рабам. Они были такими простыми, такими примитивными созданиями и полностью отдали себя поклонению своему мертвому богу. Демонстрация того факта, что боль и страх могут столь решительно преодолеть их высшее «я», стала одним из самых приятных и безупречных деяний за всю долгую, жестокую жизнь Кассауса. Он вытер глаза и попытался взять себя в руки, чтобы сохранить неожиданность финала.

— В конце концов я сделал последнее заявление, прежде чем улететь. Я действительно сдержал слово и позволил им жить и страдать. Но я забрал одну руку и один глаз у каждого выжившего, чтобы они всегда помнили мое краткое владычество и не слишком спешили возвращаться к вырезанию икон. Я сказал им, что вернусь через год и день, чтобы

наказать всех, кто преступил мои законы.
С тех пор я возвращался дважды.

Как только Кассаус завершил свой рассказ, камень дуга в его руке запульсировал и раскалился докрасна. Он выругался, ничего не понимая, и выронил его. Повсюду вокруг зазвучали крики, остальные гости эхом повторяли его жест. Кассаус потерял всякое ощущение того, что находится в зале Вайла, в Траурной Марке. Он вошел в состояние, подобное сну наяву, и над ним были боги, далекие и все же столь близкие, что он мог видеть их действия. Все, что он знал — его связь с Ушей была пресечена, словно разрублена раскаленным докрасна ножом. Он непонимающе поднял взгляд и увидел закованную в броню фигуру Кхейна, который приволок Ушу и Керноуса на суд Азүриана.

Нестрый невидимкой очутился позади Кассауса и прошептал в ухо:

— Видишь? Кхейн поймал Ушу на том, что она нарушила правила, слушая мертвых, и требует, чтобы Азүриан подверг ее наказанию. К сожалению,

Король-Феникс не может решиться на подобное варварство и вместо этого приказывает отдать Керноуса и Ушу в заключение у Кхейна. Бог войны решает, что это позволяет ему делать все, что он захочет, поэтому он сажает их в темницу и подвергает жестоким пыткам.

Жуткие, душераздирающие вопли раскололи небеса. В сложных переплетающихся нитях, отмечающих прохождение богов, теперь в изобилии виднелись огонь и кровь. Прикованные к орбите Кхейна, Керноус и Уша страдали. Кассанс без раздумий прошел вперед несколько шагов, крича от негодования на далекие, глухие к его воззваниям фигуры. Он слышал, какой гвалт воцарился вокруг, когда к нему присоединились и другие. Он слышал и то, что некоторые вокруг него хранили молчание, явно поддерживая действия бога войны, и в его сердце загорелась искра ненависти к ним.

— Успокойся, мой лорд! — прошепел Пестрый. — Не все еще потеряно, многие из твоих богов чувствуют то же, что и ты! Кузнец Баул, всеми признанный друг

Керноуса и Уши, хочет, чтоб их мук
прекратились. Он достаточно храбр,
чтобы встретиться к Кхейном лицом к
лицу и заключить сделку. Бог войны
требует, чтобы Ваул за год изготовил
для него сотню своих прославленных
клинков, и тогда он освободит эту пару!
Есть ли выбор у Ваула? Может быть, он
чувствует вину за то, что принял участие
в создании катней духа. Задача
практически невыполнима, но он
принимает ее!

Выступление танцоров теперь
сконцентрировалось вокруг Ваула,
который лихорадочно трудился, чтобы
изготовить сто клинков, потребованных
Кхейном. По щекам Кассауса вновь
потекли слезы, когда он призывал бога-
кузнеца поскорее выполнить эту
монументальную задачу. Временами
тайно вмешивались другие боги, кто
помогал материалами или советами, а
кто и мешал: Морай-Хез, Хоэк,
стеющийся Цегорах, даже Лилеат.
Арлекины метались и кружили вокруг
работающего бога и кучи готовых мечей.

которая поднималась все выше, пока с медленной неотвратимостью смерти не приблизилось время, когда должен был вернуться Кхейн и потребовать свою плату.

Кассаус почувствовал, будто холодная рука сжимает его сердце. Он знал, что бог-кузнец не выполнил задачу. Девяносто девять мечей лежали законченными, но последний остался незавершенным! Кассаус огляделся в поисках Пестрого, ожидая какого-то объяснения этому ужасному происшествию. Он увидел только Вайла, что сидел на своем когтистом троне и выглядел подозрительно довольным этим исходом. Ястребиные черты лица Вайла излучали явное одобрение тому, что бог войны пленил Цшү и продолжал ее мучить. Искра ненависти в сердце Кассауса вспыхнула медленно разгорающимся пламенем, и он угрюмо поднял взгляд, чтобы увидеть, чем закончится встреча Кхейна и Вайла.

Кассаус разразился стехот, увидев, как Вайл спрятал незавершенный клинок среди других, когда бог войны практически

стоял на его пороге. Самогвольный, гордый победой Кхейн завладел сотней мечей, не осмотрев их как следует. Он сразу же освободил Керноуса и Ушу, и пара воспарила от него так стремительно, что они, казалось, временно исчезли из виду. Ваул также отступил в сторону, и новым центром притяжения для хора арлекинов теперь стал бог войны, который принялся проверять клинки.

Кхейн с фантастической ловкостью раскручивал мечи вокруг себя, подбрасывал их в воздух и снова ловил, а потом отправлял их вращаться острием вперед по орбите, окружающей его парящую фигуру. Вскоре его окружил ореол из крутящихся мечей, стальная преграда, которую бог постоянно наращивал, совершая все более головокружительные демонстрации своего мастерского владения клинками. Теперь, когда вокруг бога войны замысловатым узором вращалось огромное колесо из летящих мечей, он поднял последний клинок Ваула, чтобы проверить, чего тот стоит...

Сокрушительный рев гнева пронесся

по залу, как психическая ударная волна. Инстинкты Кассауса, отточенные всей жизнью, проведенной в Колморре, среди кровопролития и убийств, дали ему понять, что сейчас случится. Он схватил собственный меч, издал боевой клич, созывая своих воинов, и бросился на миньонов Кхейна. Теперь приспешникам бога войны и сторонникам несчастных влюбленных Керноуса и Уши оставалось только сражаться до конца. Брызгала горячая кровь, звучал звериный рев, и эльдары бросались друг на друга, желая убить.

Очередь осколочных снарядов выбила искры по нагруднику Кассауса, он ринулся вперед и вспорол живот стрелка взмахом меча. Еще один стражник Вайла с воплем бросился на Кассауса, низко держа винтовку с выставленным вперед клинком, готовым вытоптать противника. Кассаус вознал острое меч в раскрытый рот стражника и рванул его вверх, рассекая кричащее лицо пополам. Со всех сторон доносились вопли, молебны и высокий истерический визг оружейного огня.

Кассаис отдаленно ощущал, что над погруженным в битву залом сошлись две титанические фигуры, Кхейн и Баул, сражающиеся так же, как их последователи у них под ногами. Руки бога войны покраснели от крови, он стал Каэла Мениа Кхейном -- кроваворуки Кхейном -- и приступил к истреблению альдарской расы.

Между другими богаты происходили какие-то иные, более сложные хитросплетения, но у Кассаиса не было времени, чтобы понять их -- он вел свою горстку воинов против стражников Вайла. Лорда-Сороконута нигде не было видно, но его тиньоны вливались в зал подобно массе разозленных тугавьев. Кассаис быстро принял решение -- его силы были слишком малы, чтобы победить. Он мгновенно поменял направление и прорубился к боковому помещению, где была лестница, сходя по всему, ведущая в помещения под залом. Пока последние из его воинов яростно сражались, не давая врагам отправиться в погоню, Кассаис, не оглядываясь, сбежал по ступеням вниз.

Глава девятая

Финальный банкет

+Реакция сверх всяких ожиданий.+

+Мы знали, что Кассаис полон страстей, мы могли представить, что за зверь может таиться в его груди.+

+И все же... он не тот, кого мы ищем.+

+Остался только один, так что тайна раскрыта, мы изловили эту птицу.+

+Если след, который привел нас сюда, не ложен. Возможно, все это было напрасно.+

+А между тем, я все равно послушал бы его историю.+

+В этом, конечно, есть своя нездоровая притягательность, но ведь чище будет просто разделаться с ним, не так ли?+

+Он не позволит нам выступить снова. Только не после этого.+

+У него нет выбора, как и у нас --- путь уже проложен.+

+Цикл должен быть завершен.

Обратной дороги нет.+

— Это он, все так, — сплюнул Байл Меншас. — Вот он, предатель.

Стражники принесли с собой светильники, но они как будто не истребляли тьму этих похожих на пещеры помещений, а только оттесняли ее назад. Низкий туннель со сводчатым потолком, по которому они шли, был пронизан таким множеством дверей-арок, что в некоторых местах больше напотинал колоннад. Пыль и паутина, мягким слоем покрывающие жесткие грани обработанного камня, служили толчачивым свидетельством тому, насколько редко Цегары или их слуги посещали эту часть крепости.

Перег Лоргом-Сороконутом простирался темный участок пола отдаленно круглой формы, в несколько шагов поперек, который поблескивал в угрожающем свете. Его ноздри чуюли сильный теплый запах свежей крови, смешанный с навозным зловонием вываленных внутренностей. В середине

күруга лежала үгловатая черная күча —
растерзанные останки великоленных
доспехов Кассауса. Более внимательный
осмотр показал, что в них все еще
находились растерзанные останки самого
Кассауса, на что указывали
немногочисленные расколотые кости и
обрывки плоти, свисающие с кирасы,
поножей и наручей.

Вайл наторщил лоб и начал
отвлеченно разглядывать арки вокруг,
собираясь с тысячами. Ничто не попадалось
ему на глаза, кроме разнообразных
үгловатых и покрытых пылью силүэтов,
возвышающихся междү ним и очередной
аркой. Стражники нервничали, и это было
понятно, үчитывая произошедшүю ночью
катастрофу, и постоянно озирались,
словно на рейде во вражескую территорию.
Лорг-Сороконүт размышлял, что, хотя в
этих подземельях наверняка можно было
укрыть целүю армию, не было никаких
свидетельств тому, что здесь прошел
хоть кто-то, кроме Кассауса. Хотя это
было не совсем так, поправил себя Вайл:
кроме Кассауса и того, что его үбило.

Убить Кассаса было непросто, Вайл это знал. Многие покушались на него в прошлом и узнавали, как высока цена неудачи, когда Кассас только смеялся в ответ на смертельный удар и возвращал его с процентами. С самых ранних дней своего разбойничества Кассас тщательно старался укрепить тесные отношения с Пророками Плоти, котморрской кликой гелмункулов, превосходных мастеров своего дела. С их помощью плоть Кассаса научилась сшивать сама себя и восстанавливаться после любых ранений, кроме самых серьезных, его кости были пронизаны закаленными металлами, жизненно важные органы стали двойными, а в некоторых случаях и тройными. Вайл так и не узнал, какую плату за услуги вытянули Пророки из его кузена, но, несомненно, она была впечатляюще велика.

Но ничто из этого не спасло Кассаса от того, что выследило его в этом туннеле прошлой ночью.

Стражники нервничали все сильнее. Один из них настолько забылся, что опротетчиво нарушил молчание:

--- Как вы думаете, кто убил его, мой архонт?

Вайл несколько мгновений холодно смотрел на него, прежде чем стражник отвел глаза и пристыженно повесил голову. В другой день Вайл вытоптал бы его, наказав за дерзость и одновременно дав своим миньонам простой урок насчет того, стоит ли задавать глупые и безответные вопросы. Сегодня он не мог позволить себе такое удовольствие, что только сильнее раздвигало его холодную ярость. Сознательным усилием он успокоился. Вопрос, в конце концов, был здравым. Лорд-Сороконожка подступил ближе и снова пристомрелся. Лужа засыхающей крови мерзко зачмокала под подошвами.

Он решил, что выглядит все так, будто это сделала кошкообразная тварь --- реззикс. Дыры в практически непробиваемом черном металле доспехов Кассаса сложно было с чем-либо спутать --- это были отметины от когтей. Кираса была разломана, как будто ее сокрушили могучие челюсти, и лакомый кусок внутри нее, судя по всему, попросту сожрали.

вместе с тройными органами и всем прочим. Может быть, резник действительно каким-то образом проник сюда, вниз, выслеживая его. Если так, то Кассасу не повезло, что они друг друга не повстречали.

— Очевидно, резник, на которого мы охотились несколько дней назад, как-то прокрался в крепость и скрывался, пока не нашел его, — уверенно заявил Вайл. — Я слышал, что, стоит им ощутить вкус крови, они без устали преследуют свою добычу.

Стражников это, кажется, не убедило, но Вайлу было плевать, что они думают. Что именно убило Кассаса, почти ничего не значило — важно было то, что теперь он мертв, и у противников Вайла нет лидера. Судя по всему, ни одному воину Кассаса не удалось сбежать из Узлрудного зала после той предательской атаки, хотя сомнения еще оставались. Когда Кассас устроил попытку переворота, среди старых слуг Цезаря вспыхнул конфликт лояльности. Некоторые присоединились к Кассасу,

другие держались Вайла, а некоторые пустили все силы на то, чтобы сформировать собственную фракцию и дать отпор двум другим. В хаосе битвы некоторые поменяли сторону даже не один, а несколько раз.

Вайл думал о том, чтобы посадить на кол всех бывших слуг Цезаря последнего, выставить их на укрепления и покончить с этим. К сожалению, воины Кассуса оказались исключительно хорошо натренированы и нанесли силам Вайла значительные потери, прежде чем их уничтожили. Потери означали, что ему едва хватит солдат, чтобы охранять стены. Теперь сама сохранность крепости висела на волоске.

Тузетцы собирались все в больших количествах по мере того, как усиливался голод. Они пока не стели приближаться, но ждали и наблюдали тысячами внимательных глаз, горящих в лесу... чего они ждали? Не измены Кассуса, иначе бы они атаковали прошлой ночью. Нет, они дожидались чего-то иного, что только должно произойти, и Вайл был твердо

намерен это предотвратить.

Вайл настеливо үхтыльнүлсә и
подтолкнул истерзанные доспехи ногой.

--- Возьмите это месиво с собой, ---
приказал он. --- Сегодня у нас пир, и тени
Кассауса будут сидеть с нами в своем
скорбном пристанище, пока мы будем
веселиться.

--- Да, мой архонт, --- машинально
ответили стражники.

--- Лучше достаньте свои лучшие
черные одежды, --- настеливо проговорил
Вайл. --- Этой ночью мы пирюем в
Ониксовом флигеле.

Глава десятая

Полутрак

В тот вечер, когда водянистый свет Траурной Марки истаял в сумерках, Вайл занял почетное место во главе банкетного стола в Ониксовом флигеле. В отличие от остальных, в этом флигеле не было центрального зала, вместо этого он состоял из множества больших и малых покоев, соединенных извилистыми коридорами, в планировке которых не было ни следа какой-либо единой логики. За неимением подходящего пиршественного зала Вайл выбрал самую крупную из уцелевших комнат, несмотря на то, что она была частично обрушена. Сквозь зияющие разрывы во внешней стене виднелись быстро темнеющие небеса, и внутри задувал холодный, острый как нож ветер. Вайл трачно размышлял, что это частично разрушенное и почерневшее от дыма место очень подходит под его настроение.

Он тщательно проверил, чтобы энергетические поля в вестибюле крепости были правильно активированы. Он даже заставил прислужников отпереть вырытые там примитивные ямы-ловушки, чтобы помешать любой возможной атаке. На укреплениях и у входа были расставлены стражники, но по большей части они выстроились вдоль стен пиршественного зала с осколочными винтовками, дзунтеграторами или темными копьями в руках. Вайл держал на боку собственный обнаженный клинок и ни разу не убрал пальцы от его старой потертой рукояти.

В темной комнате висело осязаемое чувство страха. Поредевшие ряды рабов и придворных Векта косились на оставшихся сторонников Цегары с очевидным недоверием. Две группы быстро сформировали два противоположных островка за горсткой столов, которые втащили в помещение. Тяжеловооруженные стражники вносили страх, что их всех привели сюда, только чтобы вырезать. Вайл только

грозно взирал на них с трона и ничем не облегал страхи.

В конце концов архонт медленно отпил из кубка, стоявшего возле его локтя, давая гостям знак, что они могут присоединяться к пирю. Некоторые колебались, несомненно, опасаясь яда, но ни у одного не хватало отваги проявить неповиновение и отвергнуть приглашение. Вайл наблюдал и ждал. Мало-помалу атмосфера на банкете чуть потеплела, пища и напитки подняли дух присутствующих. Среди собрания вскоре зашелестели тихие разговоры и приглушенный, нервный смех.

Все сразу же затихли, когда Вайл поднялся на ноги.

--- Итак... мы здесь, --- угрожающе произнес Лорг-Сороконут и начал медленно мерить шагами почерневший зал, постукивая кончиками пальцев по рукояти меча. --- Те, кто должен был нас развлекать, судя по всему, покинули нас после двух ночей пиршеств, и теперь мне придется развлекать себя самому...

Вайл сделал долгую паузу.

выжигаяще перевода взгляда по затененным
уголкам комнаты. Единственными
звукатами оставались грохот и шипение
волн, бьющихся о скалы внизу. Лорд
Сороконожка пожал плечами и продолжил
говорить, хотя его взгляд по-прежнему
постоянно блуждал по сторонам в надежде
увидеть хоть какой-то знак от арлекинов.
Они слышали его, он знал, что они здесь.

--- Две ночи назад бедный,
неоплаканный Ольтанир Цезара начал
рассказ, который заслуживает достойного
завершения. Этот глупец знал только
половину истории, в которой он сыграл
ключевую роль. Когда он прокрался в
Котморру, чтобы поторговаться за свою
бесполезную шкуру, он и не подозревал, что
его жалкое маленькое субцарство хранит в
себе ключи к иной, куда большей ценности.
Если бы только он знал, то мог бы
диктовать свои условия, и я бы с радостью
пошел на них. На самом деле, я бы отдал
ему собственных наложниц, лишь бы
только получить доступ в Траурную
Марку.

Вайл вернулся к своему кубку и

глотнул. От этой речи ему захотелось
пить, сильнее, чем он ожидал. При этом
он взглядывался сквозь рваные прорехи в
стене наружу, где последний, утирающий
дневной свет подкрашивал снизу тучи,
придавая им перламутрово-розовый
оттенок. И все же актеры не
воспользовались этим естественным
перерывом, чтобы проскользнуть на сцену.
Вайл с сожалением покачал головой и
продолжил рассказ.

— Я почти не сомневаюсь, что к
концу он почувствовал, как ошибся. Он
должен был осознать, что отдал свое
княжество за стехотворно низкую цену
собственного жалкого существования.
Понимаете, есть огни гверы, и другие
гверы, и гверы в Колморре. Это город
миллиона порталов. Есть гверы, за
которыми находятся чудесные дворцы,
царства потрясающей красоты, неведомые
сокровища, адские бездны, необузданный
Хаос и многое иное... Я слышал, как
молодые невежды говорят, будто через
порталы Колморры можно проникнуть
везде и всюду, но это неправда. Правда же в

тол, что некоторые из этих дверей давно
испорчены, некоторые забыты, а
некоторые уже десять тысяч лет не
открывались, и тому есть хорошая
причина. То, что находится за дверями
тоже было испорчено: целые области
Паутины исчезли, и с каждым циклом она
все больше разрушается. Нет сомнений,
что вскоре от нее ничего не останется.

Даже эта насмешка не вызвала
ответ, на который рассчитывал Вайл.
Насколько он знал, арлекины были
странствующими обитателями Паутины.
Они, предположительно, знали все ее
скрытые проходы и тайные тропы. Он
думал, что арлекины не устоят перед
возможностью опровергнуть то, что он
знает об этой среде. Архонт снова оглядел
своих гостей, которые со страхом
наблюдали за ним, не зная, что он сделает
далее, и стражников, которые стояли
подобравшись, готовые к бою. Может
быть, в конце концов, арлекины
действительно ушли. Вайл еще раз отпил
и снова взялся за попытки вернуть их, все
больше втягиваясь в повествование.

— Как бы то ни было, я ухожу от
темы. Мой род, Меншас, еще с времен до
Нагения грабил и исследовал костос из
Колморры. Нам ведомо великое множество
секретов. Один из них, просто шепоток,
слух времен моего дедя, говорил о
потайном портале, ведущем отсюда в
некое отдаленное место в костосе. Это
несравненное сокровище, как
предполагалось, было мирот-кораблем, что
затерялся среди Призрачных звезд, не
затронутый Нагением. Его экипаж ни с
кем не имел связи. Наивные и уязвимые,
они ждали знака, что можно вернуться.
Хранители этого знания — те, кто
должен был подать сигнал — сначала жили
здесь, спрятавшись в Траурной Марке, но
их вытеснили, и им не повезло наткнуться
на таких великодушных предков из давней
минувшей эпохи.

Теперь он явственно ощущал, что за
ним следят и слушают его речь. Это были
не гости и не стражники, что-то иное
прислушивалось к нему. Вайл практически
чувствовал на себе взгляд невидимых глаз.
Они были здесь, все так. Он облизал губы и

удовлетворенно ухмыльнулся. Теперь он говорил громче, и голос его все поднимался.

— Род Меншас хранил этот секрет, но он был для нас бесполезен. Пока Траурная Марка оставалась недоступной, недоступен был и мир-корабль. Так что вы можете понять мой энтузиазм, когда я услышал о прибытии Ольтанира Цегары. Я отправился в Верхнюю Колморру, на Горы Скорби, к Центральному пикю, чтобы преклониться перед Асгрубазелем Вектом и молить его о благосклонности...

Голос на миг изменил Вайлу, когда он вспомнил темное величие Центрального пика и его круг из гигантских кричащих статуй Верховного Властелина. Воспоминания вызвали ощущение ужаса, которое застало его врасплох. Он сглотнул и продолжил. Горделивый, грозный тон исчез, и последние слова он шептал, словно исповедь.

— Для меня это было трудно... признаюсь. Самое трудное из всего, что я когда-либо делал. Я дорожу своей гордостью, но ради разговора с Вектом мою гордость пришлось... стирнуть.

сокрушить перед великим тираном. Я
пришел с тысячами о сделке, о том, чтобы
заключить взаимовыгодное соглашение с
достоине к Цезаре и Траурной Марке.
Прежде чем мне позволили уйти, я обещаю
Векту все — огромную добычу из
призрачной кости и камней духа. Взамен я
попросил лишь чести распространить его
владычество на Траурную Марку и стать
ее законным сюзереном. И вот мы здесь, —
заключил Байл, скорее для самого себя,
чем для каких-либо слушателей, реальных
или вымышленных. — Осажденные,
окруженные, истерзанные Фортуной и
врагами снаружи и внутри. Я увижу, как
все это закончится, я увижу...

Он застыл и стремительно
развернулся, услышав вежливые
аплодисменты у себя за спиной. То был
маленький, одетый в серое арлекин, тот,
которого называли Пестрым. Байл трачно
улыбнулся и шевельнул рукой. В тот же
миг его стражники отошли от стен и
начали стыкаться вокруг невысокой
фигуры.

— Мои коллеги уверены, что

представление невозможно спасти, ---
спокойно сказал маленький арлекин. --- Что
третий акт должен остаться
неоконченным из-за ужасных знамений,
связанных с первыми двумя.

Нестрый широко улыбнулся и склонил
голову перед сужающимся кругом
стражников, погнав пустые руки в знак
сдачи.

--- Я же думаю иначе и вижу, что ты
согласен со мной, архонт Байл Меншас, ---
ухмыльнулся он. --- Мы зашли так далеко,
ты обязаны увидеть, чем все кончится. Ты
натерен пленить меня?

--- Возможно, --- процедил Байл,
приподняв свой глиняный прямой меч перед
Нестрым. --- Теперь я вижу, что вы пришли
сюда нарочно, с целью погубить меня, ты и
твоя шайка актеров. Видимо, ты явился,
чтобы отомстить за мир-корабль.

--- Я лично? --- Нестрый энергично
затряс головой. --- Нет. Я пришел за тобой,
Байл Меншас, можно сказать, что ты сам
призвал меня сюда. Твоя похоть и
жестокость призвали меня в реальность,
как неизбежное последствие твоих

действий. Тонкая ирония, не правда ли? Практически совершенная в своем замысле, если соединить все точки. Разве ты не видишь? Мы и есть третий акт, я и ты, в повествовании Урсилласа о Нагении. Ты -- эльдарская раса, а я -- Та...

-- Где остальная труппа? -- перебил Вайл. -- Отвечай быстро, иначе плохо тебе придется, маленький клоун.

Стражники остановились на почтительном расстоянии от арлекина, нацелив свое оружие прямо на него. Нестрый ухмыльнулся, не опуская рук.

-- Не поверишь, но они прямо за тобой, -- невинно ответил он и протянул руку, чтобы снять с себя маску.

Нервы Вайла уже натянулись сильнее стальной проволоки, и он не мог не отреагировать, как и его стража. Их внимание пошатнулось всего на долю секунды, но в этот миг одетый в серое арлекин взорвался движением. Его казавшийся сплошным образ раскололся, превратившись в ослепительный многоцветный калейдоскоп. Стражники практически в унисон открыли огонь.

рассекая сияющее облако на части, но их осколки и лучи прошли сквозь пустое место.

Лавина световых пятен завихрилась и на миг приобрела прежнюю форму — Пестрый оказался по другую сторону кольца. Он протянул руки и прикоснулся ко лбам двох стражников, словно даря им благословение. Вайл выругался и бросился на арлекина со спины, но маленькая фигурка закружилась и ушла в сторону, прежде чем клинок достиг цели. Смеющийся арлекин снова обратился в мечущийся вихор искр.

Двое стражников начали оседать, но потом снова выпрямились, судя по виду, не раненные. Вайл заметил, что там, где до них дотронулся арлекин, горели яркие, похожие на клейма отметины. Он также увидел, что их доспехи окрасились в завихряющиеся болезненные цвета, и они направили оружие на своих товарищей. Вайл в тот же миг зарубил одного из них, но второй успел выпустить импульс энергии из дезинтегратора, прежде чем его убили. Стражники, гости, куски стены

на мгновение вспыхнули жарким светом, а потом разлетелись струями серой пыли под высвобожденной мощью украденных солнц.

Посреди суматохи Вайл увидел еще двох стражников, которые пошатывались с горящими клейматами на лбах. Пестрый то появлялся, то снова исчезал, всякий раз оставляя после себя еще двух жертв. Верные архонту стражники поняли, что происходит, и яростно отбивались, однако каждый раз, когда стелющийся арлекин наносил удар, чаша весов склонялась на его сторону. В зале царил пандемониум, Вайл начал замечать те же вихри болезненных цветов и выжженные отметины среди гостей. Лорг-Сороконут почувствовал страх, дрозью пробежавший по позвоночнику, когда понял, что ситуация стремительно выходит из-под контроля. Вдруг из хаоса до него донесся знакомый медоточивый голос:

— Архонт Мениас! Быстрее, сюда! Мы можем защитить вас.

Это был Ашантурус, мастер трюнов арлекинов, по-прежнему одетый

Смеющимся Богом Цегорахом, как
прошлой ночью. Позади него выстроились
другие боги, которых Байл видел на
предыдущем представлении: Азүриан, Уша,
Лилеат, Баул, кроваворукий Кхейн и
другие -- все они были здесь. Арлекины
обнажили оружие и сражались спина к
спине, чтобы защитить себя от
нарастающего прилива искаженных
стражников и гостей, которых оставляло
за собой безумие Пестрого. Через миг
сомнения Байл ринулся под защиту их
рядов.

-- Проклятый сошел с ума, Та, что
Жаждет, поглотила его душу! -- закричал
ему Ашантүрүс, в голосе которого сквозило
отчаяние. -- Твоя единственная надежда --
бежать с нами, пока это возможно!

-- Так вы до сих пор пытаетесь
манипулировать мной! -- рыкнул в ответ
Байл и поднял свой меч. -- Проклятье на
вас и все ваши изгры!

В этот самый миг водоворот искр,
крутившийся по всему залу, вернулся и
ворвался в собравшуюся вместе толпу.

На мгновение Байл успел увидеть

Пестрого — больше не таленькую хурую
фигуру, но раздувшуюся, чудовищную тень —
который налетел на богиню Ушу.
Остальные боги толпой бросились
навстречу, чтобы дать бой этому
существо, но оно разметало их в стороны,
словно детей. Первый арлекин, которого
оно схватило, упал на землю, покрывшись
рябью тошнотворных цветов — уже не бог,
но искаженная, стенающая изрушка.

В считанные секунды пол был усыпан
корчащимися телами. Каэла Мениша
Кхейн, бог, в честь которого именовался
род Вайла, прожил чуть дольше, чем
остальные, с отчаянной силой защищаясь
огромным двуручным клинком. Сжавшись
позади бога войны, Ашантүрүс на какое-то
время оказался в безопасности и повернулся
к Вайлу с криком:

— Думай, что хочешь, но беги! Ради
любви Ушу, спасайся отсюда, если не
хочешь разделить нашу участь!

Кхейн рухнул наземь, словно
поваленная статуя, но его доспехам
расползлись мерзостно окрашенные черви,
а затем он рассыпался на миллион кроваво-

красных осколков. Ашантүрүс, невероятно изогнувшись, прыгнул в сторону и избежал первой атаки Пестрого. Двое с головокружительной скоростью скакали и кружили друг напротив друга, предвидя каждое движение и отвечая на него еще до того, как оно началось.

Вайл секунду наблюдал за вихревым вихрем схватки, сделал два шага назад, затем повернулся и потчался к выходу. Его неотступно преследовал звук безумного, бесноватого хохота Пестрого.

Тяжело дыша, Вайл выбежал в Слияние и обнаружил, что оно усыпано трупами. Энергетические поля, которые должны были ограждать вестибюль, отключились. В конце вестибюля, почти у самых внешних дверей, Вайл заметил фигуру, которая ковыляла прочь от него. Архонт хрипло выкрикнул вызов, но та только зашаркала ногами быстрее, и тогда Лорг-Сороконут схватил меч и погнался за ней.

У дверей фигура обернулась, и Вайл мельком увидел искаженное от боли лицо Ольтанира Ёгара. Последний Ёгара был

сгорблен и изломан. Четыре украшенных сосуда свисали с его тела, как отбратительные гроздьи, их крышки-головы зарылись в плоть, словно присосавшись к ней. С безумным криком Ольтанир распахнул внешние двери и выбежал, по пятам преследуемый Вайлом.

Как только Ольтанир оказался снаружи, он исчез в сплошной стене гладкокожих тел, затаенный крючковатыми когтями ожигающих туземцев. Сотни выученных немигающих глаз уставились на Вайла, в то время как вопли Цегары позади становились все громче, достигая невыносимой высоты. Вайл схватил дверь и рывком захлопнул ее перед их мордами. Он снова ощутил холодную дрожь, прошедшую сзади по шее, когда понял, что кто-то воспользовался тем, что он отвлекся, и теперь стоит у него за спиной.

— И над всем безраздельно воцарились трак, гибель и смерть, — прошептал Храдхири Ра, когда его высад пронзил Лорда-Сороконута сквозь сердце.

Жизнь стремительно покидала тело

Вайла Мениаса, и он ощутил нечестивую
тягу Той, что Жаждет, которая ждала,
чтобы поглотить его душу. Он смутно
разглядел, что убийца в маске-черепе
держит перед его глазами что-то яркое и
твердое.

Это был камень духа.

Слеза Уши, убежище для его
ускользающей сущности. Благословение.

Вайлу Мениасу хотелось плакать от
облегчения, но вдруг он увидел, что за
плечом Шута Смерти кто-то
приближается. Это была невысокая серая
фигура Пестрого, уже не сверкающее
облако, но он прежний, улыбающийся
полными красными губами. Вайл
попытался что-то сказать, прокричать
предупреждение, но он уже испустил свой
последний вздох. Все, что осталось от
Вайла Мениаса, затягивал в себя камень
духа. Отрачающимся зрением он видел,
как камень становится все больше,
становясь всей его вселенной...

--- Потрясающее выступление, не
находишь? --- дико растялся Пестрый. ---

Очень убедительное. Как жаль, что никто не остался в живых, чтобы оценить его. Ну что ж, пожалуй, для этого у нас всегда есть наша трупна и мы сами.

Храгхири Ра позволил трупну котморрита соскользнуть на пол и посмотрел на тускло светящийся камень в своей руке. Мягким, шепчущим голосом он проговорил:

--- Такая маленькая вещь, душа, и все они одинаковы, когда становятся такими.

--- К добру или к худу, всех нас судят по тому, что мы сделали, мой скелетоподобный друг, --- более сдержанно ответил Пестрый, протягивая руку к катню, --- а не по тому, что мы могли бы сделать. Если у вселенной и есть что поведать нам о высшей справедливости, то это оно и есть. Позволь мне?

Храгхири Ра довольно охотно передал камень духа в проворные пальцы Пестрого. И все же он предпочел отвернуться перед тем, как изящный Солитер с неописуемым выражением наслаждения в глазах проглотил камень, вмещающий душу Байла Мениаса.

Такова цена, которую арлекины должны платить, чтобы спастись от Той, что Жаждет -- один из их числа изначально обещан ее безжалостному голоду. Легенда гласит, что в тот миг, как душа Солитера покидает тело, может явиться Цегорах, чтобы попытаться обмануть Ту, что Жаждет, и лишить ее добычи. Но до тех пор предначинанная судьба Пестрого защищала всю труппу от вытирания -- за определенную плату.

Через миг Пестрый хихикнул, рыгнул и котишно попросил прощения. Череполикая маска Шута смерти сардонически ухмылялась, но скрывавшийся за ней Храдхири Ра не мог избавиться от тошнотворного ощущения ужаса, которое окутало его.